

К/Х
Декабрь 1935 — январь, февраль 1936.

LE MESSENGER

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО
ХРИСТІАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

1925—1935

v 12 / n 1 / 2

ПАРИЖЪ

11-ый годъ изданія.

Цѣна номера 4 фр.

Вышелъ 6-го Апрѣля.

„ВѢСТНИКЪ“

(11-ый годъ изданія).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1936 Г.

Въ теченіе года „Вѣстникъ“ дастъ 6 выпусковъ журнала.

Какъ и всегда, „Вѣстникъ“ будетъ удѣлять особое вниманіе освѣщенію вопросовъ современности съ христіанской точки зрѣнія, будетъ посильно служить дѣлу построенія цѣлостной Православной культуры, освѣщать религиозную и культурную жизнь молодежи, какъ въ западной Европѣ, такъ и въ СССР.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА ГОДЪ 15 ФРАНЦ. ФРАНК.
(или эквивалентъ по курсу дня).

Для ДВИЖЕНЦЕВЪ, СТУДЕНТОВЪ, РАБОЧИХЪ —
10 франковъ (или эквивалентъ по курсу дня).

Цѣна № въ розничной продажѣ — 3 франка.

ПРОБНЫЕ №№ — БЕЗПЛАТНО.

Подписную плату — въ любой валютѣ (ден. письмомъ, чеками или почтовыми переводами) направлять по адресу конторы „Вѣстника“ или представителямъ „Вѣстника“

5 — 1-2 1936.

4001293

KIX

.....	3
Вѣстникъ	5
В. В. Зѣньковскій	7
.....	12
..... — Г. Федотовъ	19
..... — И. Лаговскій	25
знаго Парижа. —	37
.....	40
.....	44

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЕЮ ОСНОВНОЮ ЦѢЛЮ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВѢРЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢРЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ СВОЕЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРІАЛИЗМОМЪ.

10 лѢтъ

(1925—1935).

Въ декабрь мѣсяцѣ 1935 года исполнилось десять лѣтъ существованія „Вѣстника“. Первые номера — отпечатанные на ротаторѣ, сейчасъ уже стали въ извѣстномъ смыслѣ „библиографической рѣдкостью“. Въ октябрь 1926 года удалось выпустить первый номеръ, отпечатанный уже типографскимъ способомъ.

Въ теченіи 10 лѣтъ „Вѣстникъ“ — въ мѣру своихъ силъ и возможностей — служилъ и служитъ Славѣ Имени Господа Иисуса Христа, Славѣ и Познанію Святой Православной Церкви, дѣлу духовно-религіознаго просвѣщенія и укрѣпленія родного народа.

Не намъ судить, насколько хорошо удавалось „Вѣстнику“ его дѣло. Объ одномъ только можетъ просить „Вѣстникъ“, это о томъ, чтобы его судили не столько по исполненію, сколько по намѣреніямъ и заданіямъ, которыя онъ себѣ ставилъ и ставитъ. Въ мѣру силъ и возможностей „Вѣстникъ“ старался сдѣлать все, что позволяли обстоятельства и время.

Впрочемъ — два обстоятельства можно отмѣтить съ радостью. Во-первыхъ то, что въ связи съ перебоями въ выходѣ „Вѣстникъ“ получаетъ много писемъ, полныхъ тревоги за его судьбу. Эта тревога — горячая и искренняя — утѣшаетъ и поддерживаетъ въ трудныя минуты, переживаемыя сейчасъ.

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
„РУССКІЕ ЗАРУБЕЖЬЕ“
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
4001293 жб
СЕНТЯБРЬ 1935

Другое, радующее обстоятельство — это все болѣе и болѣе учащающіяся признанія, что „перечитывая „Вѣстникъ“, испытываешь особое удовлетвореніе, многое читаешь, какъ бы вновь“.

Это признаніе — надежный показатель цѣнности матеріала, помѣщенного въ „Вѣстникъ“, и вѣрный свидѣтель того, что „Вѣстникъ“ современенъ. Но „современенъ“ не преходящей, случайной „современностью“, которая, отшумѣвъ, отходитъ, чтобы уступить мѣсто новой „злобѣ дня“, а современностью, не умирающей со временемъ, а становящейся болѣе яркой по мѣрѣ того, какъ утихаютъ „злобы дня“.

Это даетъ „Вѣстнику“ право думать, что онъ, хотя и несовершенно, но служилъ и служить подлинно вѣчному и непреходяще цѣнному въ современности.

* * *

Юбилейная дата совпала съ наиболѣе труднымъ моментомъ въ существованіи и работѣ „Вѣстника“. Затрудненія съ поступленіемъ денегъ — въ связи съ общимъ ухудшеніемъ матеріальнаго положенія тѣхъ, кто является наиболѣе вѣрными подписчиками „Вѣстника“, всевозможныя валютныя ограниченія создаютъ рядъ матеріальныхъ трудностей.

Усложнившаяся и затруднившаяся борьба за существованіе, оставляющая все менѣе и менѣе свободнаго времени у тѣхъ, кто были постоянными и вѣрными сотрудниками „Вѣстника“ создаетъ рядъ духовныхъ трудностей.

Общая усталость и перегруженность осложняютъ положеніе.

Въ послѣднее время общія трудности привели къ тому, что между выходомъ отдѣльныхъ №№ „Вѣстника“ были большіе перерывы, „Вѣстникъ“ вынужденъ былъ выпускать одинъ № за нѣсколько мѣсяцевъ. На эту мѣру „Вѣстникъ“ рѣшился со скорбью, но не было другого выхода. Даже этотъ — „юбилейный“ — № приходится выпустить съ одной стороны — какъ послѣдній № за 1935 годъ и вмѣстѣ — какъ первый-второй за 1936 годъ. Сознавая свою большую вину передъ читателями, „Вѣстникъ“ проситъ ихъ простить эту вынужденную неисправность... И вмѣстѣ съ тѣмъ „Вѣстникъ“ твердо вѣритъ, что всѣ эти трудности — имѣютъ временный характеръ, что онъ — съ помощью Божіей и при содѣйствіи читателей и подписчиковъ „Вѣстника“ будутъ преодолены. „Вѣстникъ“ хочетъ вернуться къ нормальному порядку и вѣритъ, что это въ концѣ концовъ — удастся. Въ наступившемъ году „Вѣстникъ“ дастъ

6 выпускъ въ годъ (два мѣсяца въ одномъ №). Соотвѣтственно этому — „Вѣстникъ“ понижаетъ и годовую плату. Но одного добраго желанія и усилій со стороны самого „Вѣстника“ — для того, чтобы намѣченный планъ осуществился — не достаточно. Нужно быстрое и энергичное содѣйствіе и со стороны читателей и подписчиковъ „Вѣстника“, нужно быстрое внесеніе подписной платы на новый годъ, нужно увеличеніе числа друзей-подписчиковъ „Вѣстника“. Объ этомъ „Вѣстникъ“ и просить всѣхъ, кто — хотя бы немного — любитъ и цѣнитъ журналъ.

Въ жизни „Вѣстника“ и раньше не разъ бывали минуты и положенія, когда вѣра и упованіе на помощь Божию и на содѣйствіе друзей и цѣнителей „Вѣстника“ были почти единственнымъ „капиталомъ“. И эта вѣра и упованіе никогда не постыжались — „Вѣстникъ“ просуществовалъ 10 лѣтъ. Срокъ — самъ по себѣ и небольшой, но въ условіяхъ современности — значительный и говорящій.

„Вѣстникъ“ все сдѣлаетъ, чтобы продолжать свое скромное дѣло служенія Правдѣ Христовой. Онъ въ правѣ надеяться, что всѣ, кто знаютъ „Вѣстникъ“ и сочувствуютъ его задачѣ и работѣ, всѣми силами поддержать его.

Съ этой надеждой и упованіемъ на милость и помощь Божию „Вѣстникъ“ и вступаетъ въ новый — 11 — годъ своего существованія.

Слово объ Утѣшителѣ.

Многое должно здѣсь сказать важное и нужное, забытое и неувѣданное. Однако всѣ слова о Духѣ останутся бѣдны и мертвы, лишеныя самого Духа, Его воздыханій неизреченныхъ и глаголовъ пророчесственныхъ. И взываетъ тварь, молитъ Духа: *прииди и вселися въ ны*. Изнемогающе зоветъ, истаяюще жаждетъ. Утѣшитель близъ, Онъ въ мірѣ, но не съ міромъ, — въ насъ, но не съ нами... Онъ неизмѣнно доступенъ и явно вѣдомъ въ дыханіи Своемъ, въ таинственномъ присутствіи Своемъ. Черезъ таинства Церкви даетъ Онъ намъ живое богообщеніе. Онъ хранитъ Ее и руководитъ Ею, Его силою Она для насъ есть высшая дѣйствительность, которая не отнимается и не отнимется отъ насъ, — радость на вѣки, свѣтъ вѣчности въ дольнемъ мірѣ: Духъ, сошедшій съ небесъ, ниспосланный Сыномъ отъ Отца, Отца и Сына являющій. Но съ Божескимъ въ насъ соединено — „нераздѣльно и неслиянно“ — человѣческое, которое имѣетъ обожиться, стать богочеловѣческимъ. И какъ печально и даже страшно оно, это человѣческое, какъ оно

чуждается Духа и бѣжитъ отъ Него, боится и не хочетъ Его: и хранители священнаго огня, имѣющіе благочестіе храма, но чуждые благочестія творческой жизни, какъ и вовсе не вѣдающіе святыни, озлобленные ея хулители и отрицатели, порой не чуждые благочестія жизни и исканія творчества. Надменіе и ожесточеніе фарисейское и саддукейское: бездушіе во имя духовности и хула на Духа ради плоти согласно соединяются въ угашеніи духа и униженіи пророчества: кустодія, хранящая суетное и ложное, застой, возводимый въ законъ жизни, и безрадостный прозаизмъ, эта проказа лжедуховности — на одной сторонѣ, и демоническое богоборство съ гуманистическимъ самообожаніемъ, животное равнодушіе къ духовному и погруженіе въ плоть, — на другой. Огненные языки, вспыхивающіе во тьмѣ, озлобленно угашаются и безсилно гаснутъ. Ночь міра взяеть мракомъ пустоты въ царствѣ звѣря и лжепророка. Но міръ и самъ уже содрогается отъ этой пустоты духовной, — и онъ жаждетъ вдохновенія, ищетъ пророчества, откровенія *богочеловѣческаго о человѣческомъ*, о мірѣ и человѣкѣ. Знаетъ и хранитъ Божеское, но не знаетъ и не умѣетъ найти Богочеловѣческое. И если Богъ не поможетъ, то и не спасется человѣкъ... Но Богъ уже спасъ, ибо пришелъ въ міръ и сталъ Человѣкомъ... И, вознесшись изъ міра, послалъ съ небесе Духа Св., даровалъ Пятидесятницу. Духъ Св. пребываетъ въ мірѣ, Онъ данъ намъ, и горе намъ, если мы не въ Духѣ. Но молимъ и чаемъ новаго дара всеединой Пятидесятницы, новаго отвѣта на вопросы безотвѣтные, новаго творчества, новаго вдохновенія, жизнь преображающаго, зовущаго ко встрѣчѣ Христа Грядущаго. Не имущіе Духа, мы жаждемъ Его и изнемогаемъ о Немъ. Безъ Него вся наша историческая эпоха содрогается смертною судорогой. Но таинственно орошаемые Духомъ въ таинствахъ, съ ними и въ нихъ чаемъ новаго таинства жизни, дара пришедшаго и съ нами пребывающаго Утѣшителя. И въ агоніи своей міръ знаетъ Утѣшеніе и чаетъ Утѣшителя, какъ Любовь Божію къ міру, и — любить Любовь.

Онъ любитъ Любовь въ дѣлахъ ея, въ дарахъ ея, которые суть дары Духа Св. И ненасытная любовь наша хочетъ любить и саму Любовь, — не только силу Ея, но и ликъ, ипостасный ликъ, намъ невѣдомый, неявленный, неоткрытый. И любовь наша ищетъ отраженій этого лика, явленія его. Она ищетъ и — находитъ: въ вѣдомомъ и невѣдомомъ, земномъ и небесно-прославленномъ ликѣ Духоносицы, Богоневѣсты и Богоматери, Дѣвы Маріи, препрославленной Царицы Небесной, во Успеніи міра не оставившей, но, — какъ ипостасная Любовь Божія, Духъ Св., — пребывающей въ мірѣ и вмѣстѣ — надъ міромъ. Наши очи слѣпы, чтобъ видѣть въ небесахъ эту Славу, и однако

чаемъ Ея откровенія. Ея приближенія къ міру, ибо во Славѣ Грядущій Христосъ приблизится. Тогда явится полнота Богочеловѣчества: Иисусъ — Марія, Логосъ и Духъ Св., открывающіе Отца. Эта полнота откровенія обѣтована изнемогающему творенію. Высокими умы и очищеннымъ сердцемъ возстанемъ завтра съ зажженными свѣчами навстрѣчу ему, — Богочеловѣчеству.

*Утѣшителю, Душе истины, прійди и вселися въ ны!
Ей, гряди, Господи Иисусе!*

И Духъ, и Невѣста говорятъ: прійди! И слышавшій да скажетъ: прійди! (Откр. 22, 17).

Профессоръ Протоіерей С. Булгаковъ.

Л. Н. Толстой, какъ религіозный типъ

(Къ 25-лѣтію со дня смерти).

Мы отдѣлены отъ Л. Толстого не только двадцатью-пятью годами, прошедшими со дня его смерти — насъ больше отдѣляетъ отъ него другое — всѣ тѣ огромныя, колоссальныя перемѣны, какія внесла въ русскую жизнь, въ русскую душу наша революція. Мы всѣ стали уже иными, чѣмъ были до революціи, конечно, намъ самимъ очень трудно это осознать, осмыслить, но наши оцѣнки, наше воспріятіе исторіи, наше духовное зрѣніе стали иными, совсѣмъ иными. Это не значитъ, что въ отношеніи къ Л. Толстому для насъ уже возможна „исторія“ — наоборотъ, мы навѣрное сейчасъ гораздо болѣе субъективны, можно сказать, почти „одержимы“ духомъ эпохи, ея страстными и тревожными думами, остротой и мучительной четкостью ея „откровеній“. Совершенно неправильно было бы сказать, что мы стали зрѣлѣе, — но просто наша эпоха въ своемъ основномъ и опредѣляющемъ звучаніи отмѣчена уже новымъ стилемъ, обречена нести иное бремя, — она имѣетъ въ своемъ распоряженіи не тѣ возможности, какія были раньше, живетъ иными задачами, чѣмъ эпоха отошедшая.

Думается мнѣ, что отчетливѣе всего это выступаетъ именно въ отношеніи къ Л. Толстому. Его художественное творчество по прежнему чаруетъ и питаетъ насъ, многія его за вѣтныя идеи, его одностороннія, но горячія высказыванія хотя по новому, но живутъ въ насъ, а все же въ цѣломъ Л. Толстой, въ полнотѣ его духовнаго наслѣдія, его творчества и исканій — какъ то безконечно далеко отъ насъ, словно не 25 лѣтъ отдѣляетъ его отъ насъ, а по меньшей мѣрѣ столѣтіе...

Въ чемъ тутъ дѣло? Думаю — въ религіозной то-
нальности двухъ эпохъ — нашей и до — революціи.
Говорю не объ идеяхъ религіозныхъ, для которыхъ сущест-
вуетъ законъ ритмическаго возвращенія, говорю и не о психо-
логіи религіозной, которая вѣдь тоже повторяется. Мы живемъ
въ эпоху, которую, по чудесному и загадочному факту обно-
вленія Церкви. Его не всѣ видятъ, оно еще такое же
частичное и загадочное, какъ и обновленіе иконъ, ничему уло-
вимому не пропорціональное, — а въ то же время отъ Церкви
исходитъ для насъ новое сіяніе, неизвѣстное и чудесное, пре-
ображающее сердца и покоряющее души. О, конечно, это „об-
новленіе Церкви“ не значитъ вовсе, что передъ тѣмъ былъ
какой то застой и усыханіе внутренней жизни Церкви, — ея
живое благоуханіе ощущали и раньше чуткія души, ей отдава-
лись и раньше — безъ колебаній и сомнѣній. Вѣчная весна
была всегда и всегда останется въ благодатномъ раю Церкви,
— но наши очи были такъ закрыты, сердца были такъ без-
чувственны и „косны“, какъ у двухъ учениковъ, не узнавшихъ
Спасителя, явившагося на пути въ Еммаусъ. А нынѣ — видѣ-
ніе Церкви, какъ лѣствицы къ Богу, какъ явленія Царства
Божія, своимъ сіяніемъ западаетъ многимъ и многимъ въ душу.
Среди суеты и внѣшнихъ передрагъ послѣвоеннаго времени,
среди идейнаго и духовнаго возбужденія нашихъ дней — это
„обновленіе Церкви“, это новое ея сіяніе, это ея откровеніе
образуетъ самое важное самое существенное, что опредѣляетъ
нашу эпоху.

А Толстой всю жизнь не чувствовалъ Церкви, —
и оттого вопреки всему онъ, уже просвѣщенный благовѣстіемъ
Евангелія, остался внѣ новаго завѣта, внѣ Св. Пятидесятницы...
Кто усумнится въ религіозной искренности Толстого, въ пре-
дѣльной честности его разума, въ точномъ чутьѣ его вѣчно
тоскующаго сердца, въ вѣчной его неудовлетворенности собой?
Когда то онъ почти вплотную подошелъ къ Церкви, когда онъ
повѣрилъ въ народъ, когда почувствовалъ въ тайнѣ его сми-
ренія ключъ къ смыслу жизни. Толстой самъ съ незабываемой
силой рассказаль объ этомъ въ „Исповѣди“, — но онъ такъ и
остался у порога этой тайны, не поняль того, что эта тайна
есть связь народной души съ Церковью. Всю жизнь не пони-
малъ онъ этого, — страшно сказать: не могъ понять. Изъ
самой глубины его мятущейся, но и гордой души, его честнаго,
но и недовѣрчиваго ума вставали постоянно какія то пустяко-
вые, по существу мнимыя преграды, мѣшавшія ему увидѣть
Церковь въ ея подлинности, въ Ея сущности. Онъ все видѣль
въ Церкви разныя внѣшнія вещи, — и можетъ быть (кто знаетъ?)

эта „роковая“, — обусловленная внутренней неустроенностью — неспособность увидѣть Церковь была источником его озлобленія въ отношеніи къ Церкви, — того озлобленія, которое продиктовало ему ненужныя, кощунственныя слова объ Евхаристіи въ „Воскресеніи“.

Впрочемъ, скажемъ и то: Толстой, несравненный, паразитный въ своемъ тайновидѣніи, въ своихъ интуиціяхъ, не могъ вмѣстить въ своемъ сознаніи ничего живого и подлиннаго. Сердцемъ чужалъ, а умомъ отвергалъ и осмѣивалъ всю культуру, включая науку и искусство, тайну брачной близости и тайну рожденія дѣтей, — и тѣмъ болѣе отвергалъ и осмѣивалъ внѣшнія формы жизни (государство, судъ, армію и т. д.). И даже живую человѣческую личность не сумѣлъ онъ вмѣстить въ своемъ сознаніи¹⁾ — для него она была помѣхой и препятствіемъ въ моральной жизни. Не тутъ ли и ключъ ко внутреннимъ антиноміямъ въ Толстомъ? Сердцемъ онъ принадлежалъ христіанству и зналъ въ своей глубинѣ настоящія его откровенія, — но не умѣлъ этого выявить, словно весь еще былъ въ оковахъ Ветхаго Завета; во власти безличнаго закона, во власти безчувственности дохристіанской. Толстой не видѣлъ, не чувствовалъ Церкви — и въ этомъ разгадка ослѣпленности этого величайшаго генія нашего XIX вѣка. Кто въ самомъ дѣлѣ былъ больше его въ русской культурѣ? Много геніальности почилло на русскихъ людяхъ въ XIX вѣкѣ, но ни на кого не излилось столь творческой силы, какъ на Толстого. И все же — въ Толстомъ воплотился не свѣтлый творческій духъ русскаго генія, а его страшная разрушительная сила. Это, по истинѣ, было явленіемъ „русскаго безпощаднаго бунта“ — противъ культуры, противъ семьи, противъ государства, противъ Церкви. Честный и чистый, неумолимый къ себѣ, жестокоправдивый Толстой не вмѣщалъ лишь одного — подлиннаго смиренія духовнаго. И оттого онъ не видѣлъ Церкви, обходилъ Ее, озлоблялся, высмѣивалъ, мучился и тосковалъ.

Какая ужасная трагедія русской жизни! Мы стоимъ уже на другомъ берегу, намъ засіяла Церковь въ ея обновленіи — и трудно намъ думать, чтобы подлинная геніальность вынѣ могла не отзываться отвѣтной любовью и вдохновеніемъ на то, что открывается въ Церкви. У насъ нѣтъ и не можетъ быть раздраженія противъ Толстого — но неизъяснимая грусть сжимаетъ сердце, когда думаемъ о немъ, о внутренней неустроенности — уже не лично у Толстого, но общей многимъ людямъ, особенно въ русской интеллигенціи прошлой эпохи.

1) Я посвятилъ этой темѣ особую статью („Проблема безсмертія и Толстой“) въ сборникъ „Религія Толстого“ (Москва 1913).

Есть однако въ религиозной жизни Толстого нѣкоторыя особенности, которыя едва ли типичны для русской души. Въ одной небольшой брошюркѣ (о молитвѣ) Толстой совершенно зачеркиваетъ значеніе и смыслъ молитвы, — т. е. зачеркиваетъ самую сущность, первофеноменъ религиозной жизни. На первомъ планѣ для Толстого стоитъ мораль, — его система есть своеобразный „панэтизмъ“. Только категорія добра не добрая у него, если позволено здѣсь каламбуръ: это не „солнце идей“, какъ у Платона, у котораго все живилось добромъ и іерархически подчинялось ему. У Толстого идея добра тираннична и нетерпима: онъ требуетъ „видимаго“, внѣшняго добра отъ искусства, убивая въ немъ все, что не даетъ непосредственнаго моральнаго эффекта. Въ сферѣ познанія категорія добра столь же тираннична и рѣшительно накладываетъ „вето“ на т. наз. „чистую науку“. Но столь же тираннична идея добра и въ религиозной области у Толстого: ярче всего это сказывается въ томъ, что оно видитъ въ личности, въ личномъ началѣ препятствіе для добра! Духовная жизнь внѣ ея внѣшняго приложенія къ соціальной сферѣ ему чужда — и оттого онъ, такой глубокой и чуткой, такъ ужасно грубо глядѣлъ на таинства, не ощущалъ въ нихъ дѣйствія Св. Духа. Догматическое его сознаніе оказалось неокрыленнымъ, непросвѣтленнымъ; дальше плоскаго раціонализма онъ такъ и не смогъ пойти въ своей „Критикѣ догматическаго богословія“, которая поражаетъ своей духовной слѣпотой. Лишь въ соціальной сферѣ идея добра свѣтила ему по глубокому — достаточно вспомнить его изумительную книгу „Такъ что же намъ дѣлать?“

Въ религиозномъ типѣ Толстого ужасно много морализма, ужасно много отвлеченнаго радикализма, безжизненнаго и часто убійственнаго. Все противоестественное его ученіе о „непротивленіи злу“ — лучшее выраженіе этого.

Толстой всю жизнь искалъ правду — честно, мужественно, не боялся самыхъ радикальныхъ и неожиданныхъ идей. Но въ моральномъ радикализмѣ Толстого очень много жестокаго и беспощаднаго къ живой жизни. Какъ художникъ, онъ такъ глубоко понималъ живую тайну человѣческой души, такъ глубоко читалъ въ человѣческомъ сердцѣ, — а какъ мыслитель, точнѣе — въ своемъ религиозномъ воспріятіи жизни — онъ всегда глядѣлъ только *sub specie aeternitatis* — а отъ этого холоднаго, отвлеченнаго мистицизма всюду гасла жизнь — въ людяхъ, въ творчествѣ, въ искусствѣ и культурѣ. Толстой религиозно не соборенъ, онъ всегда замкнутъ въ своей индивидуальности. Это рѣдкій на Руси типъ религиознаго индивидуализма — мы все по „природѣ“ нашей ищемъ соборности, общности, — „хорового начала“, какъ говорилъ К. Аксаковъ. А Толстой

весь въ обособленіи, въ странной застѣнчивости. Онъ хочетъ смиряться, но какъ то уединенно и потому отвлеченно — не со всѣми, т. е. не въ Церкви. Оттого тайны Церкви, тайны живого сращенія нашего въ единое и цѣлостное бытіе, тайны литургіи, какъ слянія и братотворенія во Христѣ онъ не зналъ и не понималъ. И хотя Толстой всю жизнь тянулся къ народу, былъ апостоломъ народничества, — но, несмотря на это, онъ такъ и остался глубоко чуждъ народной душѣ, глубоко не народенъ. Достаточно сравнить напр. его удивительныя строки въ „Исповѣди“ о народѣ съ тѣмъ, что писалъ, напр. Н. К. Михайловскій о народѣ¹⁾, чтобы понять, насколько далека оставался Толстой народу даже тогда, когда хотѣлъ приобщиться къ его внутреннему міру, и насколько былъ подлинно „народенъ“ Н. К. Михайловскій . . .

Исключительные дары, присущіе Толстому, сказались положительно лишь въ его художественномъ творествѣ, — т. е. тамъ, гдѣ онъ довѣрялъ чутью и не слѣдовалъ за своимъ умомъ. А во всѣхъ иныхъ областяхъ, оставивъ неизгладимый слѣдъ въ русской культурѣ, онъ умѣлъ лишь разрушать, а не созидать, обличать, а не вести впередъ. И нынѣ, вновь стоя у могилы великаго человѣка Россіи, великаго сына ея, мы испытываемъ такую потребность молиться объ упокоеніи души его — присоединяя къ этому иную молитву — о русскомъ народѣ. Пришла для насъ новая эпоха; какъ бы ни были мрачны нынѣ условія жизни въ Россіи и для насъ всѣхъ — мы видимъ нынѣ Церковь, вбираемъ въ себя сіяніе Ея обновленія и знаемъ, твердо, до конца знаемъ: правда и истина не въ Церкви, а въ Церкви — и только въ Ней.

Пусть же молодыя души, расцвѣтающія уже въ нашу эпоху, сердцемъ поймутъ трагедію русской жизни, какъ она воплотилась въ Толстомъ — и, отбрасывая его индивидуализмъ, опираясь всецѣло на Церковь, не устаютъ молиться о тѣхъ, кто не видѣлъ Церкви, молиться о просвѣтленіи и возрожденіи русской души.

В. В. Зѣньковскій.

1) См. объ этомъ въ моей книгѣ „Русскіе мыслители и Европа“.

Борьба съ адомъ.

(Къ вопросу о вѣчности мученій.)

На страшномъ судѣ Господь скажетъ грѣшникамъ : „Идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. И грѣшники пойдутъ въ муку вѣчную.“

Вотъ ужъ почти двѣ тысячи лѣтъ, какъ прогремѣли эти слова, и все еще человѣческое сознаніе не можетъ ихъ вмѣстить. Во всѣ вѣка враги Христа ссылались на нихъ, чтобы правдивно оправдать свое невѣріе. „Мы не можемъ повѣрить въ Вашего Бога, говорятъ они, потому что наше моральное сознаніе не пріемлетъ вѣчныхъ адскихъ мукъ. Вы проповѣдуете религію любви, а сами грозите адомъ. Вы говорите о свободной вѣрѣ, а тому, кто свободно не повѣритъ, сулите раскаленные сковороды и котлы кипящіе“.

На этотъ „бунтъ“ невѣрующихъ христіане отвѣчали малодушными попытками оправдать вѣчныя мученія юридической теоріей воздаянія или отмщенія. Образъ Бога-Карающаго, Мстителя, беспощаднаго Судьи грозной тѣнью встаетъ надъ христіанствомъ среднихъ вѣковъ, да и въ наше время еще продолжаетъ жить во многихъ христіанскихъ сердцахъ. Имъ вдохновлялись богословы, поэты и художники. Данте, Микель-Анджело, Мильтонъ черпали изъ этого источника свои величественно мрачныя видѣнія.

Напрасно стали бы мы искать въ могучей атлетической фигурѣ Бога въ „Страшномъ Судѣ“ Сикстинской Капеллы черты Евангельскаго Христа: передъ нами античный Мститель, воплощеніе безжалостнаго Рока.

И въ сколькихъ христіанскихъ поколѣніяхъ Богъ любви подмѣнялся Богомъ ненависти, ввергающимъ грѣшниковъ въ огненную пасть ада.

Въ наше время такое представленіе о загробномъ мірѣ болѣе невозможно. Христіане не могутъ больше отвѣчать на протесты невѣрующихъ ссылками на неисповѣдимость путей Господнихъ и призывами къ смиренію потому, что протесты эти исходятъ не только отъ невѣрія, но и отъ простой человѣческой совѣсти. Болѣе того, самыя рѣшительныя возраженія раздаются не со стороны безбожниковъ (которые въ загробную жизнь вообще плохо вѣрятъ), а со стороны именно христіанъ. Какъ часто приходится слышать отъ глубоко вѣрующихъ людей робкія признанія въ томъ, что „въ адъ имъ трудно повѣрить“, что „адъ нужно понимать какъ то по другому“, что „въ концѣ концовъ навѣрное все спасутся“.

Н. А. Бердяевъ считаетъ, что проблема ада въ наше время должна быть перерѣшена заново, что традиціонное представленіе о вѣчныхъ мученіяхъ неприемлемо для современнаго христіанскаго сознанія.

Дѣйствительно, этотъ вопросъ имѣетъ громадное значеніе въ построеніи христіанскаго міровоззрѣнія. Долго онъ былъ камнемъ преткновенія, теперь онъ становится пробнымъ камнемъ: качество христіанскаго сознанія можетъ быть опредѣлено въ зависимости отъ того, какъ каждая душа рѣшаетъ для себя эту труднѣйшую проблему. „Человѣкъ есть то, во что вѣрить“, говорилъ Иванъ Кирѣевскій. Рабъ, трепещущій передъ небеснымъ палачемъ, и другъ, идущій навстрѣчу небесному Жениху, едва ли могутъ называться однимъ и тѣмъ же именемъ христіанина.

И нужно смѣло заявить, что идея Бога, создающаго адъ, для вѣчнаго наказанія грѣшниковъ — не есть христіанская идея.

Значить въ существованіе ада мы не вѣримъ?

Напротивъ, мы утверждаемъ, что адъ существуетъ вполне реально.

Откуда мы это знаемъ? Изъ личнаго опыта. Мы въ немъ были и не разъ. И теперь иногда въ немъ бываемъ. Въ нѣкоторые періоды нашей жизни мы пребываемъ въ немъ подолгу. И это случается съ каждымъ изъ насъ. Иногда мы это сознаемъ и стонемъ отъ „адской муки“, „адской злобы“, „адекаго отчаянія“. Чувствуемъ, что насъ охватываетъ мракъ бездны, что нами овладѣваютъ темныя силы, что насъ жжетъ дьявольскій огонь, душатъ зловѣщіе призраки. Я говорю совсѣмъ не о мистическихъ переживаніяхъ, а о самомъ обыкновенномъ душевномъ опытѣ, доступномъ и свойственнымъ каждому. Человѣческая душа, въ глубинѣ своего подсознанія носить въ себѣ весь адъ и всѣ легіоны демонскіе. Она можетъ предать себя ихъ страшной разрушительной силѣ, можетъ стать одержимой и бѣсноватой. Современная психологія называетъ реальнымъ то, что реально переживается. Если бы „внутреннимъ адомъ“ являлись только патологическія состоянія души (психозы, неврозы, истерія), то можно было бы сказать, что реальность ада, какъ переживанія — въ нашей жизни ограничена, что это исключеніе, а не правило. Но та же психологія учитъ, что никакой принципиальной разницы между рѣдкими неврозами и распространеннѣйшей неврастеніей нѣтъ и что всякая страсть есть своего рода одержимость. Другими словами адъ есть самое обычное и такъ сказать естественное мѣстопробываніе человѣка на землѣ. Любая страсть (злоба, сладострастіе, ненависть, зависть, гордость, уныніе) есть „сила діавола“, „огонь

вѣчный“, „червь неусыпающій“. Достоевскій — нашъ русскій Данте, — владѣль даромъ проникновенія въ эти страшныя подполья и застѣнки души; онъ прошелъ по всѣмъ кругамъ человѣческаго ада, видѣль „Бѣсовъ“, терзающихъ человѣка, слышалъ „плачь и скрежетъ зубов“, описалъ такія мытарства и муки души послѣ которыхъ „огнь неугасающій“ потусторонняго ада кажется пламенемъ, намалеваннымъ Вакулой-кузнецомъ въ притворѣ Диканьской церкви. Онъ съ ясновидѣніемъ изобразилъ адъ чувственности, въ которомъ корчится Дмитрій Карамазовъ, адъ преступной совѣсти, гдѣ задыхается Раскольниковъ, адъ чловѣкобожества Ставрогина, адъ гордости ума Ивана Карамазова, ревнивой страсти Рогожина, адъ отчаянія Кириллова.

Какъ же сомнѣваться въ реальности мѣста, топографію котораго можно изучить во всѣхъ подробностяхъ и которую каждый можетъ провѣрить на собственномъ опытѣ. Достоевскій показываетъ, что адъ есть свободное самоопредѣленіе человѣка: онъ самъ, своими руками, камень за камнемъ, строить тюрьму, въ которую себя заключаетъ. Сознаніе свободы выбора, отвѣтственности за него, возможности пойти впередъ, остановиться, или повернуть назадъ не покидаетъ человѣка никогда. Даже когда онъ низвергается на самое дно пропасти и взываетъ „de profundis“—и тутъ, въ величайшемъ паденіи и униженіи, онъ не забываетъ о своей власти „все измѣнить“.

О „фатальности“, предопредѣленности Достоевскій ничего не знаетъ. Человѣческая воля не детерминирована ни снизу (біологіей, фізіологіей, соціологіей), ни сверху (Богомъ или дьяволомъ). Свобода есть ея неотъемлемое, неискоренимое свойство, и всякая инерція порока или грѣха можетъ быть преодолѣна однимъ мгновеніемъ раскаянія (Раскольниковъ, Дмитрій Карамазовъ.).

Человѣкъ попадаетъ въ адъ, потому что онъ этого хочетъ. Его воля абсолютно свободна: передъ ней останавливается даже всемогущество Божіе. Процессъ схождения въ адъ прослѣженъ Достоевскимъ во всей его трагической послѣдовательности. Человѣку предоставленъ свободный выборъ между добромъ и зломъ. Онъ выбираетъ зло, зная, что это зло; предается дѣмонамъ страсти, зная ихъ разрушительную силу. Сдѣлавъ выборъ, онъ устремляется въ намѣченномъ имъ направленіи, съ возрастающей скоростью, какъ падающее тѣло. Грѣхъ, въ который онъ ввергается, охватываетъ его все полнѣе и тѣснѣе; вокругъ души образуется оболочка, которая дѣлается все тверже и непроницаемѣй; постепенно душа обростаетъ каменной скорлупой, отдѣляющей ее отъ міра и замуровывающей ее въ темницу. Связи съ людьми, со вселенной рвутся одна за другой. Душа гложетъ и слѣпнетъ; она погружается въ

свою самость, теряет чувство реальности, становится предельно одинока. Въ связи съ міромъ, ея внутренняя жизнь превращается въ игру тѣней. Душа „окаменѣло-безчувственная“ пребываетъ въ „снѣ смертной“, мечется въ лихорадочномъ бреду, видитъ кошмарные сны. Вызванныя ею къ жизни гибельныя силы обрушиваются на нее самое: ярость грызетъ собственное тѣло, зависть отравляетъ собственнымъ ядомъ, гордость приводитъ къ самоубійству, похоть сгораетъ на собственномъ огнѣ.

Эти самоистязанія души воистину „адскія муки“.

Современная психологія показываетъ, какъ аффекты, считающіеся самыми нормальными, стремятся къ полному овладѣнію сознаниемъ человѣка. Аффектъ имѣетъ тенденцію утвердиться въ видѣ страсти и вытѣснить всѣ другія чувства. Если это ему удастся, онъ превращается въ порокъ, въ манію, а манія есть уже нарушеніе равновѣсія души, начало болѣзни духа. Неуловимыми переходами мы вступаемъ въ область неврозовъ, которымъ въ той или другой мѣрѣ свойственны переживанія тьмы, отъединенія, самозамкнутости, одиночества, потери чувства реальности. Такимъ образомъ, душевныя заболѣванія и съ точки зрѣнія современной науки представляются имманентными наказаніями за грѣхи, внутреннимъ судомъ, который слѣдуетъ за свободнымъ отпаденіемъ отъ Божіей соборности. Крайняя степень этого обособленія есть солипсизмъ (Я одинъ существую, я — Богъ), безуміе, ведущее къ самоуничтоженію (Кирилловъ у Достоевскаго). Это „смерть вторая“, та „тьма внѣшняя“, въ которой демоническая „самость“ горитъ и не сгораетъ въ вѣчномъ огнѣ. Горитъ, т. е. сама себя уничтожаетъ, не находя въ себѣ источника бытія, и не сгораетъ, т. к. „образъ Божій“ въ ней неистребимъ.

Переживаніе метафизической гибели, сходженіе во адъ неоднократно описывались мистически одаренными людьми: припомнимъ потрясающій рассказъ Мотовилова, собесѣдника св. Серафима Саровскаго, видѣніе св. Терезы Авильской, описаніе Якова Беме, Сведенборга, Данте.

О. П. Флоренскій въ книгѣ „Столпъ и утвержденіе истины“ рассказываетъ о своемъ духовномъ опытѣ „ада“: „Однажды во снѣ я пережилъ его со всей конкретностью. У меня не было образовъ, а были одни чисто внутреннія переживанія. Безпросвѣтная тьма, почти вещественно-густая, окружала меня. Какія то силы увлекли меня на край и я почувствовалъ, что это край бытія Божія, что внѣ его абсолютное Ничто. Я хотѣлъ вскрикнуть и не могъ. Я зналъ, что еще одно мгновеніе и я буду извергнутъ во тьму внѣшнюю. Тьма начала вливаться во все существо мое. Самосознаніе на половину было утеряно, и я зналъ, что это абсолютное, метафизическое уничтоженіе.

Въ послѣднемъ отчаяніи я завопилъ не своимъ голосомъ „Изъ глубины возвахъ къ Тебѣ, Господи. Господи, услыши голосъ мой.“ Въ этихъ словахъ тогда вылилась душа. Чьи то руки мощно схватили меня утопающаго и отбросили куда то, далеко отъ бездны. Толчокъ былъ внезапный и властный. Вдругъ я очутился въ обычной обстановкѣ, въ своей комнатѣ кажется: изъ мистическаго небытія попалъ въ обычное, житейское, бывалое. Тутъ сразу почувствовалъ себя передъ лицомъ Божьимъ и тогда проснулся, весь мокрый отъ холоднаго пота.“

Но почему душа, зная, что такое зло и чувствуя что такое грѣхъ, всетаки имъ предается?

Какъ можетъ быть подобный свободный выборъ?

На этотъ вопросъ Достоевскій даетъ исчерпывающій отвѣтъ.

Въ увѣренности, что зло можно предпочесть добру только по невѣдѣнію или по ошибкѣ заключается раціоналистическая ошибка. Толстой думалъ, что человѣкъ грѣшитъ исключительно по неразумію. Если ему втолковать, что добро лучше зла, что грѣшитъ неразумно и вредно — онъ тотчасъ же станетъ добродѣтельнымъ. Толстой считалъ, что Евангельская мораль обращена къ разуму: „Христосъ учить насъ не дѣлать глупостей“.

Достоевскій далекъ отъ такого плоскаго раціонализма; онъ знаетъ, что человѣкъ можетъ выбрать зло вопреки всѣмъ доводамъ разума, что его воля и свобода ирраціональны. Какой бы разумный рай мы не построили, всегда найдется какой нибудь джентельменъ „съ ретроградной и насмѣшливой фізіономіей и весь этотъ рай пошлетъ къ черту, единственно для того, чтобы по своей глупой волѣ пожить“.

И Достоевскій зналъ еще другое: человѣческая душа антинормична: она можетъ любить не только добро, но и зло; даже можетъ любить ихъ одновременно; въ одной и той же душѣ могутъ преспокойно уживаться тоска по небу и глубины сатанинскія, идеаль Мадонны и идеаль Содомскій.

И совсѣмъ не доказано, что человѣкъ неминуемо долженъ стремиться къ созиданію и бытію; разрушеніе и собственная гибель могутъ быть для него безконечно желанными. Какъ часто романы Достоевскаго кажутся „реальнымъ комментариемъ“ къ стихамъ Пушкина:

Все, все, что гибелью грозитъ,

Для сердца смертнаго таитъ

Неизяснимы наслажденья —

Безсмертія можетъ быть залогъ.

Человѣкъ можетъ своей гибелью утверждать свое безсмертіе. Свободнымъ выборомъ смерти, вмѣсто жизни, онъ возвышается надъ всей эмпирической дѣйствительностью, обзрѣваетъ

ее съ высоты своего вѣчнаго духа, дѣлаетъ transcensus въ иной планъ бытія (къ которому и принадлежитъ, ибо онъ есть существо не только тварное).

Итакъ: адъ реально существуетъ, мы его знаемъ по личному опыту. Онъ созданъ не Богомъ, ибо Богъ зла не творить, а создается самимъ человѣкомъ въ его свободѣ. Адъ есть не наказаніе, а онтологическое слѣдствіе самоопредѣленія человѣка.

Адъ есть отпаденіе отъ Бога, желаніе „по своей глупой волѣ пожить“, „тьма внѣшняя“, предѣльное одиночество.

До сихъ поръ мы разсматривали это понятіе только въ планѣ психологическомъ, въ предѣлахъ отдѣльной души и личной судьбы. Но понятіе ада шире. Есть адъ — соціальный: адъ бѣдности и нищеты, адъ соціального неравенства, сырыхъ и темныхъ кварталовъ, въ которыхъ чахнутъ туберкулезные дѣти безработныхъ, грохочущій адъ фабрикъ и заводовъ, на которыхъ въ бессмысленномъ механическомъ трудѣ миллионы рабочихъ превращаются въ животныхъ, адъ проституціи, тюремъ, исправительныхъ домовъ, адъ биржъ и банковъ, адъ міровой войны, колоніальныхъ завоеваній, карательныхъ экспедицій, адъ борьбы классовъ, партійныхъ распрей, демагогическаго дурмана, адъ желтой прессы, большихъ городовъ, адъ коллективной ненависти между народами, расами, государствами и т. д.

Ко всему этому мы приглядѣлись, и адскіе ландшафты насъ болѣе не пугаютъ. Мы настолько привыкли къ „скрежету зубовому“ и „тѣни и сѣни смертной“, въ которыхъ живемъ, что у насъ даже сохранился неприкосновеннымъ „нравственный пафосъ“, и самая мысль о возможности ада возмущаетъ наше нравственное чувство. И развѣ не удивительно, что мы не допускаемъ возможности того, чья реальность обступаетъ насъ со всѣхъ сторонъ?

Но есть одна надежда, помогающая намъ выносить адскія муки здѣсь на землѣ: эти муки временны, думаемъ мы, когданибудь они кончатся, смерть освободитъ насъ отъ посясторонняго ада. Но для того, чтобы утѣшаться этой надеждой, нужно быть убѣжденнымъ, что смерть есть полное уничтоженіе, а въ этомъ не можетъ быть убѣжденъ никто. Вѣра въ безсмертіе совсѣмъ не есть исключительная принадлежность религіи. Наука тоже знаетъ безсмертіе: она утверждаетъ безсмертіе энергіи (законъ сохраненія энергіи) въ физическомъ мірѣ, безсмертіе ткани въ мірѣ органическомъ и безсмертіе сознанія въ мірѣ психическомъ. Современная психологія приходитъ къ положенію о неразрушимости духовной энергіи въ человѣкѣ, о надвременности, т. е. вѣчности, его личнаго я. Безсмертіе личности перестаетъ быть догматическимъ утвержденіемъ религіи и становится самоочевидностью для каждаго, кто способенъ

философски мыслить. А слѣдовательно, вѣра въ смерть, какъ полное уничтоженіе, есть просто матеріалистическое суевѣріе, противорѣчащее не только религіозному опыту, но и даннымъ философіи и науки. Нѣтъ буквально никакихъ основаній думать, что духовная жизнь человѣка прекратится со смертью. Вотъ если бы она была функцией организма, эпифеноменомъ физиологіи, тогда распаденіе тѣла влекло бы за собой разрушеніе души. Но отъ такого наивнаго матеріализма психологія давно уже освободилась: она знаетъ, что не тѣло создаетъ душу, а душа формируетъ тѣло. Она знаетъ также, что смерть тѣла не есть полное развоплощеніе души. Распадаются физическія и химическія частицы тѣла, но не тѣлесность. Образъ тѣлесности неотдѣлимъ отъ души и она уноситъ его съ собой.

А если такъ, то о какомъ уничтоженіи можетъ быть рѣчь? Душевные процессы, начавшіеся въ этой жизни, будутъ продолжаться въ другомъ планѣ и послѣ смерти. Если при жизни человѣкъ былъ охваченъ огнемъ любви, этотъ огонь не потухнетъ, а еще сильнѣе разгорится въ томъ мірѣ; если его терзали демоны, душила злоба, ослѣпляла ненависть, леденила гордыня, жгла мстительность, грызло отчаянье — всѣ эти „духи тьмы“ перейдутъ съ нимъ въ вѣчность. Ибо плотскихъ страстей не бываетъ, всѣ страсти духовны, даже похоть и сладострастіе. Рационалистическое заблужденіе, что человѣкъ дѣлится на двѣ самостоятельныя части — духъ и плоть (Декартовская *res cogitans* и *res extensa*) сдано въ архивъ современной антропологіей. Мы знаемъ теперь, что человѣкъ, во всемъ своемъ тройственномъ составѣ — духъ, душа и тѣло — насквозь духовенъ.

Наконецъ, обратимся къ нашему личному опыту. Правда ли, что понятіе вѣчности чуждо, непонятно и неприемлемо для нашего сознанія? Правда ли, что наша земная жизнь протекаетъ исключительно въ планѣ времени? Быть можетъ, насъ пугаетъ слово вѣчность только потому, что мы подмѣняемъ его совсѣмъ другимъ понятіемъ — дурной безконечности?

Насъ ужасаетъ нагроможденіе отрѣзковъ времени, (годъ за годомъ, тысячелѣтіе за тысячелѣтіемъ, триллионы лѣтъ и опять триллионы лѣтъ). Но это совсѣмъ не есть вѣчность, упраздненіе и преодоленіе времени, а его безконечное повтореніе, утвержденіе — полное торжество временности.

Въ такомъ пониманіи не только вѣчныя муки, но и вѣчное блаженство можетъ показаться кошмаромъ. Нѣтъ такой радости, которая, растянутая на билліоны лѣтъ, не превратилась бы въ невыносимую скуку и отчаяніе. Вѣчность же есть побѣда надъ временемъ, стяженіе всѣхъ безконечныхъ времен-

ныхъ рядовъ въ одну точку, съ вершины которой въ одно мгновение и сразу обозрѣвается прошедшее, настоящее и будущее. Вѣчность есть та послѣдняя секунда передъ смертью, въ которую человѣкъ видитъ и переживаетъ всю свою жизнь.

Время разворачиваетъ передъ нами свой свитокъ :

„Воспомянаныя предо мной свой длинный развиваютъ свитокъ.“

Въ каждую минуту мы видимъ только одну строку : предыдущая уже скрылась, слѣдующая еще не открылась. Но вотъ наступаетъ вѣчность и весь свитокъ лежитъ передъ нами развернутый.

Это чувство надвременности соприсуще нашему сознанию : наша память, наше воображеніе, нашъ разумъ, наше Я надвременны. Мы реально переживаемъ вѣчность въ творческомъ вдохновеніи, въ искусствѣ, въ любви. Мы только отчасти погружены въ потокъ времени и измѣряемъ нашу жизнь не по вращенію планетъ, а по напряженности и значительности нашихъ переживаній. Мы останавливаемъ время и оно намъ повинуется. Вѣчное Царство Божіе и вѣчный адъ внутри насъ, и мы въ любую минуту можемъ вступить въ нихъ. Вѣчность переплетена со временемъ и Платонъ говоритъ, что „время есть нѣкій подвижной образъ вѣчности“. А изъ этого слѣдуетъ, что мы имѣемъ право къ нашему первому положенію : „адъ реально существуетъ“, прибавить одно слово : „вѣчный“ адъ реально существуетъ.

И вотъ мы этого вѣчнаго ада не пріемлемъ. Именно потому, что онъ реальность, что мы знаемъ его по личному опыту мы его и не пріемлемъ.

Обоснованію этого „непріятія вѣчнаго ада“, посвятимъ слѣдующую половину статьи.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

К. Мочульскій.

Къ современнымъ богословскимъ спорамъ.

О нашей эпохѣ можно сказать : мы живемъ въ вѣкъ богословскаго возрожденія. Человѣчество — и въ Православіи и на Западѣ — перестало довольствоваться въ своей вѣрѣ сочетаніемъ практическаго благочестія, сердечнаго умиленія и механическаго повторенія затверженныхъ формулъ катехизиса. Оно желаетъ цѣлостной вѣры, вѣры отъ всего сердца, воли — и разума („Возлюби Бога всѣмъ сердцемъ твоимъ . . . и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ“). Разумъ данъ намъ не только для познанія внѣшняго міра, но для богопознанія. Онъ не проклятъ — одинъ

изъ всего состава души, онъ лишь слабъ и „удобопревертень“, какъ и сердце наше, какъ и воля, какъ весь человѣкъ послѣ грѣхопадѣнія.

Возможно ли разумное богопознаніе для падшаго человѣка? Невозможно полное, адекватное, „лицомъ къ лицу“. Но возможно отдаленное, приближающееся „какъ въ зеркалѣ“. Эта возможность хотя бы неполнаго и ограниченного богопознанія вытекаетъ: 1) изъ соответствія человѣческой природы природѣ божественной (образъ Божій въ человѣкѣ), 2) изъ откровенія Божія черезъ пророковъ и апостоловъ въ Св. Писаніи, 3) изъ непосредственнаго вдохновенія Церкви, Духомъ Святымъ, непрестанно проясняющимъ и умножающимъ божественное откровеніе.

Догматы Церкви суть краткія, закрѣпленные въ точныхъ формулахъ вѣхи на пути соборнаго богопознанія Церкви. Въ нихъ входятъ всѣ три источника богопознанія: божественное откровеніе (Св. Писаніе), философски-богословская работа человѣческой мысли и вдохновеніе Св. Духа, направляющее Церковь, среди всѣхъ сомнѣній и колебаній, по истинному пути.

За каждымъ догматомъ стоитъ длительная, нерѣдко многовѣковая работа богословской мысли, изслѣдующей трудную проблему, подготовляющей ея рѣшеніе — въ столкновеніи мнѣній, въ человѣческихъ погрѣшностяхъ, ибо абсолютная истина не можетъ открыться цѣликомъ одному человѣческому разуму, и каждый видитъ лишь обращенную къ нему грань ея полноты. Если вѣка были нужны для формулированія догмата, то раскрытіе его значенія, всѣхъ выводовъ его для религіозной, нравственной и культурной жизни, требуетъ не меньшаго числа вѣковъ: въ сущности оно никогда не можетъ быть закончено.. Въ этой работѣ богословская мысль представляетъ чисто человѣческую сторону богочеловѣческаго процесса откровенія. Догматъ непогрѣшимъ, богословіе можетъ ошибаться. Догматъ одинъ для всей Церкви. Богословскихъ школъ и направленій всегда было много, и при томъ во многомъ расходившихся. Отсюда недовѣріе къ богословію, часто встрѣчающееся въ русской средѣ. Къ чему спорить о догматахъ и раскалываться въ пониманіи общей, единой истины? Но богословская работа является необходимымъ условіемъ и опредѣленія догматовъ и ихъ уясненія. Безъ нея догматъ оставался бы словеснымъ грузомъ, давящимъ на совѣсть и ничего не говорящимъ ей наслѣдіемъ древней эпохи, языкъ которой потерянь. Но догматъ имѣетъ безконечное содержаніе и при томъ жизненно важное для нашего спасенія.

Эпоха догматическаго творчества Церкви совпадаетъ съ эпохой вселенскихъ соборовъ, завершенной въ VIII вѣкѣ. Такъ

какъ писатели-богословы, работавшіе надъ раскрытіемъ догмата, именуются отцами Церкви, то вѣкъ вселенскихъ соборовъ совпадаетъ съ вѣкомъ отцовъ Церкви — съ „патристической“ эпохой. Ея границы во времени не особенно устойчивы. Не принято отодвигать ее далѣе св. Іоанна Дамаскина (VIII вѣкъ). Значитъ ли это, что догматическая работа Церкви уже тогда была завершена, и дальнѣйшимъ поколѣніямъ христіанства оставалось лишь жить этой завѣщанной традиціей?

При ближайшемъ знакомствѣ съ мыслью патристическаго вѣка выясняется, что далеко не все содержаніе христіанскаго ученія было предметомъ всесторонняго обсужденія въ древней Церкви и получило свое выраженіе въ опредѣленіи вселенскихъ соборовъ. Въ сущности, догматическая работа древней Церкви была посвящена двумъ главнымъ догматическимъ вопросамъ: о Пресвятой Троицѣ и о воплощеніи Слова (такъ называемая триадологическая и христологическія проблемы). Иначе можно было бы сказать: опредѣлилось ученіе о Богѣ, и осталось недоуясненнымъ, завѣщаннымъ будущему — ученіе о мірѣ и человѣкѣ (космологія и антропологія). Въ соборныхъ опредѣленіяхъ и углубленныхъ богословскихъ изслѣдованіяхъ остался многочисленный и чрезвычайно важный кругъ вопросовъ: о твари и мѣствѣ въ ней человѣка, о грѣхопадении и искупленіи, о благодати и свободѣ, о Церкви и таинствахъ, о достоинствѣ и почитаніи Богоматери, ангеловъ, святыхъ . . . Практически, жизненно Церковь давала, конечно, отвѣты на эти вопросы: въ своемъ культѣ, благочестіи. Но общеобязательнаго и точнаго ученія объ этомъ не было. Патристическій и соборный вѣкъ закончился не за исчерпанностью богословскихъ вопросовъ, а за исчерпанностью поздне-греческой культуры. Столѣтія, слѣдовавшія за вѣкомъ Юстиніана, не были благопріятны для высокаго умозрѣнія. Всеобщій упадокъ культуры, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, надолго прервалъ работу христіанскаго богословія.

Византія не была страной варварства. Она имѣла великое искусство. Она создала православную литургику и иконопись. Въ эпохи своего расцвѣта (XI и XIV в.) она знала и возрожденіе, какъ философской, такъ и богословской мысли (Философія всегда является предпосылкой богословія, давая ему школу мысли и аппаратъ понятій). Эта работа византійскаго богословія недостаточно еще извѣстна. Многое лежитъ въ рукописяхъ и никогда не было напечатано. Лишь имя св. Григорія Паламы (XIV) всеѣмъ памятно. Его ученіе и споры, поднятые имъ, касались не только практическихъ вопросовъ духовной жизни: „умной“ молитвы, видѣнія Фаворскаго свѣта. Они касались какъ разъ основныхъ проблемъ христіанской космологіи; отно-

шенія Бога къ творенію, и лежать въ основѣ всѣхъ современныхъ такъ наз. имяславческихъ и софіологическихъ теченій. Къ сожалѣнію, богословіе Византіи оставалось отрывочнымъ и было рѣзко и насильственно прервано гибелью греческаго царства (1453) и турецкимъ игомъ, сковавшимъ надолго весь православный Востокъ.

Оставалась Русь . . . Но, вѣрная ученица Византіи, православная Русь не могла взять на себя ея богословскаго наслѣдія. Ея интеллектуальная слабость (при всѣхъ великихъ качествахъ ея культуры) была такова, что она не имѣла вовсе ни науки, ни богословія, — даже въ смыслѣ простого катехизическаго усвоенія православнаго ученія. Жизнь и молитва (святость и литургика) были для нея всѣмъ. Однако онѣ не могли замѣнить огромнаго пробѣла въ ея разумномъ сознаніи. Послѣдствія этого бѣлаго пятна въ древне-русской культурѣ (отсутствіе научной мысли) мы несемъ до сихъ поръ.

За время вѣковой дремоты Руси, христіанскій Западъ совершилъ гигантскую богословскую работу. Съ XI вѣка, когда начался расцвѣтъ католической культуры средневѣковья, кипѣла непрерывная работа въ направленіи преимущественно антропологии и экклезіологии. Ученіе о человѣкѣ и Церкви, не додѣланное древностью, получило у схоластиковъ XII—XIII в. исчерпывающее развитіе. Но, разумѣется, въ специфически — западномъ духѣ и стилѣ, въ отрывѣ отъ восточнаго православія, что не могло не привести къ существенной односторонности, а во многомъ и къ искаженію католической доктрины. Реформація, задумавъ исправить односторонность схоластической мысли, разрушила и ея патристическія основы, хотя кое-что цѣнное внесла въ постановку антропологическихъ и экклезіологическихъ темъ.

Таково было положеніе христіанской мысли — на Западѣ и Востокѣ, когда Русь проснулась отъ своего сна. Это совершилось задолго до Петра Великаго — въ польскомъ Кіевѣ. Кіевскіе ученые, вынужденные защищать православіе отъ католическаго натиска, должны были искать оружіе въ лагерѣ своихъ противниковъ. Кіевская Академія клала въ основу преподаванія средневѣковыхъ схоластиковъ: Ому Аквинскаго. Да и что другое оставалось ей, если сами греки, подъ турецкимъ владычествомъ, должны были учиться въ западныхъ школахъ, подъ католическими и протестантскими вліяніями? Кіевляне боролись съ Западомъ — но западнымъ же оружіемъ, и невольно подпадали подъ его вліяніе. Эта эпоха впервые дала русской — и вообще православной — Церкви катехизисъ, ученіе о Церкви, таинствахъ, іерархіи — въ сильно католизирующей формѣ.

Съ Петра I кievская школа, вмѣстѣ съ малороссійской іерархіей, распространилась по всей Руси. Но со времени Теофана Прокоповича католическія вліянія были отгѣснены протестантскими. Это не значитъ, конечно, что русское богословіе стало лютеранскимъ, какъ и ранѣе оно не было католическимъ. Но русское богословіе привыкло искать православія путемъ взаимнаго уравниванія и дозировки католическихъ и протестантскихъ элементовъ. Отсѣкали крайности западныхъ исповѣданій и считали, что истина всегда по срединѣ. При этомъ уклоны вправо или влѣво были неизбѣжны. Съ 30-хъ годовъ XIX вѣка, благодаря оберъ-прокурору гр. Протасову, католическія вліянія снова преобладаютъ надъ протестантскими. Таковъ итогъ двухвѣкового развитія русскаго богословія въ западной школѣ, получившій свое классическое выраженіе въ „догматическомъ богословіи“ митр. Макарія. До сихъ поръ школьнымъ, традиціоннымъ богословіемъ въ Россіи была эта искусно дозированная смѣсь католичества и протестантизма. Не будемъ обвинять нашихъ предковъ. Эта чужеземная школа была естественнымъ послѣдствіемъ московскаго невѣжества. Но рано или поздно нужно стать на собственные ноги. Какъ съ Пушкинымъ русская литература освобождается отъ подражательности и становится національной, такъ въ теченіе XIX вѣка, окрѣпшее въ лабораторіи западной мысли, русское богословіе ищетъ собственныхъ путей. Эти опыты начинаются съ Хомякова и отчасти, можетъ-быть, съ митрополита Филарета. Но лишь XX вѣкъ видитъ расцвѣтъ русской богословской школы.

Каковы элементы, изъ которыхъ строится новое русское богословіе?

Прежде всего, имѣется великій, нетронутый жизненно-мистическій опытъ Церкви — въ ея литургической жизни, въ ея молитвенной практикѣ, въ живой святости. Во-вторыхъ, благодаря западной наукѣ (изданіямъ текстовъ и комментаріямъ) открылись богословскія богатства древне-греческой патристики. Постепенно, они входятъ въ оборотъ русской мысли, которая начинаетъ чувствовать себя переемницей греческой и византійской древности. Въ-третьихъ, русская національная традиція, безмолвствующая въ словѣ, открылась намъ въ памятникахъ церковнаго искусства, въ подвигѣ русскихъ святыхъ, въ народной религіозности. И, наконецъ, Западъ по-прежнему остается источникомъ идей, но уже не въ схоластическомъ своемъ прошломъ, а въ живомъ настоящемъ: въ теченіяхъ его богословской и философской мысли. Въ этомъ сплавѣ, богатомъ и сложномъ, рождается русская православная мысль. Изъ ея крупныхъ достиженій слѣдуетъ отмѣтить: Хомякова съ его ученіемъ о соборности Церкви, Вл. Соловьева съ ученіемъ о Богочеловѣ-

чествѣ, Несмѣлова съ его „Наукой о человѣкѣ“, о. Флоренскаго съ его сакраментальной экклезиологіей и о. Булгакова съ софійной космологіей.

Въ этомъ потокѣ забившаго православнаго вдохновенія въ русской Церкви гораздо больше вѣрности преданію, подлинному и древнему восточному преданію, чѣмъ въ школьномъ западническомъ богословіи. Но преданіе это живое и развивающееся. Оно проходитъ сквозь сознаніе современной мысли и науки подобно тому, какъ церковное преданіе древнихъ отцовъ облакалось въ формы греческой философской мысли. Задача новаго богословія прежде всего въ томъ, чтобы найти болѣе глубокое, плодотворное выраженіе тому богатому опыту православной жизни, которое невмѣстимо въ узкія формулы западной схоластики. Выдавать эти формулы за подлинное православное преданіе можно только по недоразумѣнію.

Всякое человѣческое дѣло — а богословіе есть дѣло человѣческое — погрѣшимо. Современная мысль, поставленная передъ огромными проблемами, не можетъ не ошибаться. Отдѣльные мыслители идутъ разными путями, несогласными другъ съ другомъ. У cadaго легко найти погрѣшности. Не будемъ торопиться бросать въ нихъ камнемъ. Будемъ, помнить, что не иначе обстояло дѣло въ эпоху древнихъ отцовъ. Нѣтъ ни одного, хотя бы самаго авторитетнаго, святого отца, у котораго придиричивый критикъ не могъ бы найти неточностей, а то и прямо ошибокъ. Не ошибается лишь тотъ, кто не мыслить. Но человѣку не мыслить невозможно. Добровольный отказъ отъ мысли приводитъ лишь къ рабствованію чужой человѣческой мысли, (выдаваемой иногда за божественную истину), и, слѣдовательно, къ чужимъ ошибкамъ. Но Церковь, въ своемъ богочеловѣческомъ дѣлѣ, исправляетъ все личные грѣхи и ошибки, общими усиліями и вдохновеніемъ Св. Духа возвращая свою соборную истину. Будемъ вѣрить въ побѣдную силу Истины и будемъ терпимы къ неизбѣжнымъ человѣческимъ заблужденіямъ Ея служителей. Великъ грѣхъ тѣхъ, кто пытается, подобно апокалиптическому дракону, задушить во чревѣ Матери-Церкви истину, готовую родиться на свѣтъ.

Г. Федотовъ.

Догматическій опытъ и догматическія схемы.

(Къ „осужденію“ ученія о. С. Булгакова.)

Никто не можетъ отрицать права и обязанности высшихъ органовъ церковной власти изрекать сужденія по поводу тѣхъ или иныхъ богословскихъ высказываній и взглядовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое такое сужденіе ставитъ предъ вѣрующимъ сознаниемъ задачу почтительной и любовной, но вмѣстѣ и свободной провѣрки того — церковно ли по существу и по формѣ сужденіе, высказанное данными органами церковной власти, т. к. по православному разумѣнію весь православный народъ является хранителемъ благочестія (Посланіе восточ. патріарховъ).

Во имя этого долга позволяемъ утверждать, что въ осужденіяхъ „системы“ о. С. Булгакова, какъ со стороны Высокопреосвященнаго Сергія, Митрополита Московскаго, такъ и со стороны Синода въ Карловцахъ, по нашему убѣжденію, не все правильно и безспорно именно съ церковной точки зрѣнія.

1) „Осужденія“ исходятъ изъ церковно спорныхъ общихъ предпосылокъ. Они предполагаютъ, что а) въ Церкви существуетъ единая, однозначная догматическая система, какъ схема истолкованія догматовъ, и что б) „судящіе“ органы правомочны изрекать опредѣленные, окончательныя „осужденія“ такъ сказать „ex sese“, въ силу присущей даннымъ органамъ „іерархической непогрѣшительности“.

2) „Осужденія“, невольно подмѣняютъ широту и полноту богословскаго опыта Церкви своими богословскими взглядами, искренне считая ихъ „единственно православными“.

Постараемся это и показать и обосновать.

I. Неизбѣжность и жизненная необходимость извѣстнаго „многообразія“ истолкованія единого догматическаго опыта, опыта богочеловѣческой жизни дана и предуказана для Церкви наличіемъ четырехъ Евангелій. Каждое изъ Евангелій есть „Евангеліе Господа Иисуса Христа“, раскрытіе того непреложнаго „опыта“, что „Слово плоть бысть и вселися въ ны“. И не случайно, что каждое изъ Евангелій — при единствѣ исповѣданія, при единствѣ основнаго догматическаго опыта, по иному изъясняетъ, раскрываетъ, истолковываетъ этотъ опытъ. Евангелія — не сводимы одно на другое и взаимно не замѣстимы; между отдѣльными моментами повѣствованій Евангелистовъ есть даже противорѣчія, и — вмѣстѣ съ тѣмъ Евангелія существенно едины, едины въ самомъ

фактъ исключительнаго опыта. Они — „единое по четыремъ Евангеліе“ (Оригенъ) — одна и та же жизнь Одною и Того же Господа Іисуса Христа, Бога и Человѣка, „четверообразно созерцаемая“ Попытка „единой евангельской догматической системы“ связана съ искаженіемъ церковнаго опыта и дана въ извѣстномъ „евангеліи“ еретика Маркіона.

Послѣдующій опытъ Церкви свидѣтельствуеть, что нѣтъ и не можетъ быть единой и однозначной системы истолкованія догматовъ, нѣтъ однозначной догматической схемы, вмѣщающей и исчерпывающей все многообразіе и многоцвѣтность догматическаго опыта Церкви, какъ единаго соборнаго организма.

Многообразіе истолкованій и разумѣній единаго догматическаго опыта связано съ самымъ существомъ жизни св. Церкви, какъ соборнаго Богочеловѣческаго организма, какъ строительства многоцвѣтной благодати Божіей.

Догматы Церкви и догматическія системы — далеко не одно и то же.

Догматы — всегда пребываютъ, догматическія системы мѣняются, догматы — безусловны и обязательны, догматическія системы весьма условны и далеко не обязательны въ данномъ видѣ, въ данной формулировкѣ.

Въ свое время, напримѣръ, догматическая система, написанная М. Кіевскимъ Петромъ Могилою была весьма авторитетна. Но было бы несчастьемъ для Православной Церкви если бы было постановлено, что догматика Петра Могилы является единственно обязательной и авторитетной. Въ исторіи Русской Церкви нѣкогда былъ допущенъ такой грѣхъ утвержденія временнаго въ качествѣ вѣчнаго и неподвижнаго въ отношеніи обрядовъ, и онъ привелъ къ страшному внутреннему потрясенію въ видѣ церковнаго раскола — старообрядчества.

Всякая догматич. система есть истолкованіе богатства и полноты церковной истины въ преломленіи чрезъ опытъ и духовный типъ того, кто создаетъ данную догмат. систему. Догматическая система всегда есть извѣстное суженіе полноты соборнаго вѣдѣнія Церкви и несетъ печать своего времени и своей эпохи.

Жизнь Церкви всегда шире, полнѣе и „современнѣе“ всякой догматической системы.

Догматическая система всегда блѣдна и сѣра въ сравненіи съ вѣчно зеленѣющимъ, многоцвѣтнымъ деревомъ жизни Церкви, какъ живой полноты догматическаго опыта.

Полнота жизни Церкви выражается въ многообразіи догматическихъ системъ, и предполагаетъ возможность несходства

и даже нѣкоторыхъ противорѣчій въ подробностяхъ между отдѣльными системами.

Обязательно и безусловно — только блюденіе ненарушимости и неповрежденности самихъ догматовъ, блюденіе чистоты и неповрежденности самого догматическаго опыта. Ликъ Спасителя изображаютъ до безконечности разнообразно, и всѣ изображенія законны и оправданы, если исходятъ изъ живой вѣры и неповрежденнаго созерцанія лика Господа Иисуса Христа.

Это отнюдь не значить, что можно жить и безъ догматическихъ системъ. Онѣ имѣютъ существеннѣйшее значеніе въ уясненіи и въ охраненіи въ Церкви и правосмыслия и праводѣланія. Осознаніе догматическаго опыта въ догматическихъ построеніяхъ — существенный моментъ церковной полноты, удостовѣреніе того, что опытъ Церкви живетъ въ насъ, что мы дѣятельные члены таинственнаго организма Церкви, а не лукавые, лѣнныя рабы. Боязнь мысли, гнушаніе познаніемъ, призывы къ тому, чтобы помѣстить „естественную человѣческую мысль въ притворѣ“ подъ предлогомъ, что „причастіе не разсматриваютъ“, призывы къ „чувству и созерцанію“ безъ трезвости, вносимой мыслию — опасный и недобрый признакъ церковнаго упадочничества, проявленіе декадентствующаго, псевдо-православнаго благочестія и мистики. Православное сознаніе знаетъ, что въ такихъ озареніяхъ чрезъ чувство, не испытываемыхъ чрезъ знаніе, чрезъ трудъ сознанія и мысли, таится прелесть, и, поэтому, предостерегаетъ противъ привнесенія въ православіе такихъ установокъ, хотя бы и прикрытыхъ словами благочестія. Для православнаго сознанія Господь Иисусъ Христосъ — Разумъ, возсіявшій мірови, разрѣшающій „безсловесіе“ (*ἄλογον* = безразуміе, без-осознаніе) народъ злѣйшее¹⁾. Къ этому „алогон“, къ этому „безсловесію“, которое православная Церковь именуеть постоянно злѣйшимъ, и устремлено „благочестіе“, воюющее и противляющееся Слову и Разуму. Подлинная православная ясность требуетъ мудрой трезвости чрезъ мысль и свѣтъ мысли.

Осознаніе догматическаго опыта Церкви въ словѣ, въ понятіяхъ человѣческой естественной мысли, воистину, священнѣйшій моментъ въ полнотѣ и правильности жизни Церкви. Поэтому и молимся на литургіи, послѣ того, какъ Господь не „отнялъ отъ насъ Духа Святаго и обновилъ насъ, молящихся Ему“ чтобы Господь помянулъ епископы „право правящія Слово“ (*λόγος* — разумное слово и самый разумъ) (твоея) истины“.

1) Стихира послѣ Евангелія на Вербное воскресенье.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, каждая догматическая система есть только нѣкоторая „символическая“ схема, неизбежно ограниченное и условное преломленіе полноты и многоцвѣтности жизни Церкви. Еще разъ при этомъ подчеркиваемъ, что догматъ - словесное выраженіе осознаннаго факта, непреложности опыта жизни Церкви — и догматика, догматическая система, какъ опытъ истолкованія догматовъ, совсѣмъ не одно и то же. Поэтому, догматическая система можетъ быть правдой и выраженіемъ православнаго ученія только тогда, когда она берется не отдѣльно, а въ своей включенности въ полноту церковнаго опыта, находящаго свое отраженіе во многообразіи догматическихъ системъ, какъ истолкованій и уясненій единаго догматическаго опыта.

Ни одна изъ существующихъ догматическихъ системъ не можетъ быть признана „нормой“, неподвижнымъ и единообязательнымъ образцомъ, по которому долженъ строиться всякій опытъ богословствованія, всякое истолкованіе догматовъ.

Въ забвеніи этого заключается самый худшій и злѣйшій типъ рационализаціи таинства Церкви, Ея соборности, граничащій съ хулой на Св. Духа. Всякое утвержденіе данной догматич. системы-схемы, какъ единаго образца исходитъ изъ нечестивой ереси ума и сердца, предполагающей, что тайна Богочеловѣческой жизни можетъ быть до конца и совершенно выражена въ одномъ истолкованіи, въ одномъ преломленіи догмата въ человѣческой мысли, хотя бы богопросвѣщенной и озаренной.

Въ забвеніи этого и состоитъ великая церковная неправда католическаго догмата о незаблуждаемости (*ineffabilitas*) папы „*ex sese*“ (чрезъ самого себя, въ силу того, что онъ — намѣстникъ Христа), когда онъ изрекаетъ что либо „*ex cathedra*“, выполняя свое служеніе въ качествѣ Главы Церкви.

Этой же церковной неправдой поражены и всѣ восточныя, якобы православныя теченія, склоняющіяся къ тому, чтобъ практически усвоить „епископскому сословію“ или „собору епископовъ“ право догматической незаблуждаемости „*ex sese*“, въ силу присущаго имъ іерархическаго служенія.

Въ сущности, всѣ эти теченія подсознательно вводятъ тотъ же „догматъ о непогрѣшительности“ только подмѣняя единаго папу папой коллективнымъ.

2. На соборахъ (классическихъ) отцы Восточной Церкви требовали и добивались не торжества той или иной догматической системы, а установленія тождества исповѣданія или отступленія отъ него, допуская и признавая возможность и законность многообразія раскрытія и истолкованія одного и того же догматич. опыта.

Въ силу этого живого требованія любви присутствіе на соборѣ того лица, правомысліе котораго казалось сомнительнымъ, было существенно-важнымъ и само собою разумѣющимся пред-условіемъ и залогомъ Соборности. Отцы стремились уяснить тождество исповѣданія, а не его истолкованій.

Въ эпоху ожесточенныхъ споровъ о Троичности, Св. Григорій Богословъ писалъ: „озаряйтесь единымъ и тройственнымъ свѣтомъ, тройственнымъ въ отношеніи къ особеннымъ свойствамъ, или къ Ипостасямъ, если кому угодно такъ назвать (или къ лицамъ), единымъ же въ отношеніи къ понятію сущности, и слѣдовательно, Божества. Ни мало не будемъ препираться объ именахъ, пока слова ведутъ къ той же мысли“ (Слово на Богоявленіе).

Это правило было „нормой“ дѣятельности соборовъ, выраженіемъ духа подлинной соборности.

Соборное обсужденіе не было законническимъ юридически-казуистическимъ процессомъ: оно исходило изъ требованія вѣрности опыту Церкви во всемъ его объемѣ и многообразіи, а не воспроизведенія данной нормы, даннаго образца. Догматическія опредѣленія, „догматы“ были „канонѣмъ“, „правиломъ вѣры“; они были (и остаются) неизмѣнными, вѣчными и неложными путеводными маяками и въ плаваніи по морю догматич. мышленія и истолкованія, а не отмѣренными стѣнками тюремной камеры, въ которую заключена церковная мысль, осужденная повторять „установленный образецъ“.

Опыты навязыванія догматическихъ системъ, какъ нормы, неоднократно имѣвшіе мѣсто въ исторіи Церкви, приводили къ болѣзненнымъ потрясеніямъ. Отпаденіе живыхъ частей церковнаго организма отъ соборнаго единства часто было слѣдствіемъ такого насилія.

Старовѣрческій расколъ — это наше церковное несчастье и незаживающая рана въ соборномъ организмѣ Русской православной Церкви — долженъ быть — въ этомъ отношеніи — для насъ постояннымъ урокомъ и напоминаніемъ.

Съ точки зрѣнія православной соборности оба осужденія „системы о. С. Булгакова“, „новаго ученія“ погрѣшаютъ противъ подлинной церковности, являются свидѣтельствомъ совершающагося разрыва съ православной традиціей и выразительнымъ показателемъ уклона богословскаго сознанія части правящей іерархіи въ сторону римско-католическаго пониманія природы Церкви.

3. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній относительно богословско-церковныхъ предпосылокъ обоихъ осужденій, перейдемъ къ болѣе детальной характеристикѣ догматической цѣнности и правильности того и другого.

Догматическое „ученіе“ митрополита Сергія, на основаніи котораго онъ „осуждаетъ“ „систему“ о. С. Булгакова, начинается изложеніемъ личнаго истолкованія догмата Троичности, предлагаемаго въ качествѣ общаго церков. разумѣнія. „Богъ — пишетъ митрополитъ Сергій — Единъ, но троиченъ въ лицахъ. Какъ — продолжаетъ онъ — Единый, Чистый, абсолютно несложный и недѣлимый Духъ можетъ имѣть три Лица, т. е. три сознанія или три Я, не сводимыя одно на другое — для насъ пребудетъ тайной“.

Митрополитъ Сергій, съ непонятной богословской и философской неосмотрительностью, безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій истолковываетъ „Ипостась“, какъ особое, обладающее своимъ сознаніемъ, несводимое на другое „Я“. При подобномъ знакѣ равенства между понятіемъ „ипостась“ и „личность“ — никакъ не оговариваемомъ, — каждая изъ Ипостасей Св. Троицы до такой степени утверждается въ своей „особливости“, что она превращается въ нѣкоторую бытіиствующую, онтологическую „особность“. При такомъ безоговорочномъ онтологическомъ расширеніи понятіе Ипостась — Единосущіе Св. Троицы теряетъ свой онтологическій смыслъ. Божественная сущность въ пониманіи и толкованіи М. Сергія превращается въ отвлеченную, „умопредставляемую общую сущность“, конкретно, реально существующую только въ Ипостасяхъ, превращается въ общее понятіе. Единосущіе становится номинальнымъ — отвлеченнымъ, а не реальнымъ.

Св. Іоаннъ Дамаскинъ устанавливаетъ очень существенное — глубокое и рѣшительное различіе въ соотношеніи между „сущностью“ и „ипостасью“ такъ, какъ оно дано въ грѣшномъ человѣчествѣ и такъ, какъ оно существуетъ во Всевѣтѣишемъ Божествѣ. Въ человѣчествѣ „ипостась“ (какъ „особливость“, „различіе недѣлимыхъ“) дается какъ фактъ опыта; „сущность“ же — только „усматривается“, какъ нѣчто „умопредставляемое“, какъ абстрактное, умо-отвлекаемое бытіе: общая сущность въ человѣчествѣ реально существуетъ только въ „ипостасяхъ“, въ обособившихся, утверждающихся въ своемъ обособленіи „я“, въ изолированныхъ индивидуальностяхъ. Въ Святой Троицѣ нѣчто „иное и иное“. Въ Ней „общность и единство усматриваются въ самомъ дѣлѣ; въ совѣчности лицъ, по тождеству существованія, воли, по согласію опредѣленій; въ Ней — одна сущность, одна благодать, одно могущество, одна воля, одно дѣйствованіе, одна власть. Каждое изъ сихъ не три, одно другому подобное, но одно и то же движеніе Трехъ Ипостасей. Каждая изъ Нихъ имѣетъ единство съ Другою не меньшее, какъ Сама съ Собою. Отецъ, Сынъ и Св. Духъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ нерожденности, рожденности и исхожденія суть одно, а раздѣляются

въ умопредставленіи. Ибо единого знаемъ Бога, а только въ свойствахъ Отчества, Сыновства и Исхожденія представляемъ различіе по качеству причины и происходящаго отъ причины и по совершенству ипостаси.“ (Св. Іоаннъ Дамаскинъ).

Это иное помиманіе соотношенія между Ипостасями, чѣмъ то, которое М. Сергій называетъ единственно православнымъ.

Надо твердо помнить, что вообще „номиналистическое“ отвлеченное помиманіе Божественной сущности чуждо отеческому разумѣнію. По отеческому исповѣданію Тайственная Божественная Сущность („Усіа“, „Фисисъ“, „Божество“ и „Естество“) есть полнота бытія, непредставимый океанъ преизбыточествующей реальности жизни. Отцы Церкви разумѣютъ „Ипостась“ не столько статически (а моментъ статики, нѣкоторой „недвижной ограниченности“ привносится въ понятіе „Ипостась“ при попыткѣ истолковать Ипостась, — по типу „Я“, какъ „самосознаніе“, какъ личность“), сколько динамически. Каждая Ипостась Св. Троицы какъ бы напрягаетъ въ себѣ всю полноту Единосущной сущности и осуществляетъ ее особымъ, только Ей свойственнымъ образомъ, не отдѣлимо отъ каждой другой Божественной Ипостаси, хотя и различимо — но различимо только по „образамъ осуществованія“, (*τρόποι ὑπόρξεως*) — только „по образу бытія (*τό πῶς εἶναι*)“. Не параллелизмъ трехъ сосуществующихъ „Я“, „Трехъ сознаний не сводимыхъ другъ на друга“, не симфоническое единосущіе, а сущностное единство Одного и Того же Божества, Которое не дѣлимо и не умаляемо, безъ сліянія, но и безъ раздѣленія осуществляется въ Каждой изъ Трехъ Ипостасей особливимъ, только этой Ипостай присущимъ извѣчнымъ образомъ (*καθ' αὐτό ὑφ' ἑστώτες*) — таково, полагаемъ, отеческое разумѣніе Тайны Троичной Жизни. Въ Св. Троицѣ — наставляетъ Св. Василій Великій. „Единство есть единство не по общенію (*κοινωνία*), а единство по единству“ (*ἐνοτήτα*).

„Ипостаси — свидѣтельствуемъ Св. Григорій Нисскій — обозначаютъ не существо Божіе, а только то, какъ Оно существуетъ“ (*τό πῶς εἶναι*). „Имя Отець — есть имя Божіе не по сущности и не по дѣйствию, а, по отношенію (*κατά σχέσιν*) какое имѣетъ Отець къ Сыну и Сынъ къ Отцу“ (Св. Григорій Богословъ, Св. Василій Великій) Божественныя Ипостаси, кромѣ „образа осуществованія“ (*τρόποι ὑπόρξεως*) „не имѣютъ ничего собственнаго, потому что все общее: все, что принадлежитъ Отцу принадлежитъ и Сыну и Св. Духу. Есть одна Божія сущность, одно естество, одно именованіе Божіе“.

Но „разность проявленія или взаимнаго соотношенія производитъ и разность именованія“ (Св. Григорій Богословъ). Св. Іоаннъ Златоустъ выражаетъ это еще рѣшительнѣе: истолковывая Евангеліе отъ Іоанна (гл. X, 38) онъ говоритъ — пере-

фразируя слова Господа Иисуса Христа: „Ибо Я не иное что, а то же, что Отець, только пребываю Сыномъ; и Онъ не иное что, а то же, что Я, только пребываетъ Отцомъ. И кто позналъ Меня, тотъ позналъ и Отца, уразумѣлъ и Сына“.

Оговоримся только, что „именованіе“ для отеческаго сознаніе есть нѣчто несравненно большее, чѣмъ обозначеніе чего либо словомъ, ибо „имя есть имя того, что имъ именуется“ (Св. І. Дамаскинъ) и таинственно связано съ реальностью самаго существа и бытія именуемаго. Поэтому — Св. Троица всегда и превсегда есть „Единица въ Троицѣ и Троица въ Единицѣ“.

Ничто здѣсь онтологически (въ бытіи и равночестности) не предшествуетъ, ничто и не послѣдуетъ, а все — превыше всякаго начала и движенія — превѣчно есть. Нѣтъ какого то „первобожества“, которое потомъ „раскрывается въ Троичности“ (да не будетъ), но не можетъ быть и умаленія реальности общей сущности Божества, низведенія Ея бытійственности только до степени „отвлеченной общей сущности“, реально существующей лишь въ ипостасяхъ.

Поэтому Сознаніе Бога Единого по существу, но Троичнаго по Ипостасямъ не есть сліяніе „трехъ сознаній“ не есть сосуществованіе трехъ самосознаній, трехъ „я“, „не сводимыхъ одно на другое“.

Св. Троица есть „Одна Божія сущность, одно естество, одно Божіе именованіе“ Она — „Одно по существу, по достоинству, по разуму, по мудрости“ (Св. Григорій Богословъ); въ Ней — „во всѣхъ Ипостасяхъ одно и то же движеніе воли и тождество сущности“ (Св. Василій Великій), Св. Троица — Единое Троичное Я, „тріипостасная Монада“, (Св. Максимъ Исповѣдникъ), Которая говоритъ о Себѣ (Моисею при купинѣ) „Я есмь, Который есмь“ (Ягве). Привнесеніе въ тайну Тріипостаснаго Единства содержаній и характеристикъ, безоговорочно заимствуемыхъ изъ области распавшагося человѣческаго бытія („три сознанія“, „три я“) рационализируетъ и обѣдняетъ недомыслимую тайну Св. Троицы.

4. Истолковывая Св. Троицу, какъ Троицу „трехъ несводимыхъ одно на другое Я“, какъ Троицу „трехъ сознаній“ (точнѣе самосознаній, т. к. сознаніе „я“ есть самосознаніе) богословствованіе м. Сергія приводитъ къ скрытому трифеизму, къ не осознанному утвержденію трибожія.

Богословствованіе м. Сергія — не его личное богословствованіе. Скрытое трибожіе его богословскихъ построеній неизбежный и роковой удѣлъ того рационалистическаго упрощенія и оскудѣнія, которое приразилось не только къ нашему богословскому мышленію, но и сказалось разрушающимъ и опустошающимъ образомъ на самомъ нашемъ отношеніи къ тайнѣ Божественной жизни и къ тайнѣ жизни Церкви.

Восточное (отеческое, преемствовавшее въ этомъ отношеніи библейскому) жизнечувствіе и мірочувствіе, было мірочувствіемъ полножизненной онтологической конкретности, ощущеніемъ реальности того, что все въ мірѣ — въ своей основѣ — есть „нѣкое таинственное „уплотненіе“, „сгущеніе духовнаго міра“, что „міръ есть образъ, „типъ“ (*Τύπος*) или символъ духовнаго міра“ (Григорій Нисскій, Максимъ Исповѣдникъ, Библия). Восточное мірочувствіе замерло въ нашемъ богословскомъ сознаниі, а отчасти и въ нашемъ современномъ литургическомъ опытѣ.

Библейско-отеческое и литургическое богословіе, живущее непосредственнымъ чувствомъ тайны жителъствованія Божественной Жизни и въ Ея неизреченности, и въ Ея явленности въ жизни Церкви, какъ Тѣла Христова, — при утратѣ онтологической конкретности восточнаго міро- и -жизнечувствія — характерной и роковой для рационализирующаго богословствованія, — становится для послѣдняго чуждымъ и внутренне закрытымъ.

Богословствованіе, ставши рационализирующимъ, пріобрѣтаетъ номиналистическій характеръ: слово перестаетъ быть „указующимъ жестомъ“, подлиннымъ символомъ живой реальности, а становится только „звуковымъ сочетаніемъ“ для обозначенія отвлеченныхъ понятій, своего рода „ярлычкомъ“. Слѣдованіе отеческому богословствованію становится только внѣшнимъ: ему слѣдуетъ не въ его духѣ и силѣ, а лишь въ словесномъ совпаденіи. Въ этомъ оскудѣніи духа и силы отеческаго богословствованія, въ прираженности къ нашему богословскому сознанию духа рационалистическаго номинализма и лежитъ — полагаемъ — основная причина того, что подлинно критическое отношеніе къ системѣ о. С. Булгакова отсутствуетъ, какъ въ осужденіи подписанномъ М. Сергіемъ, такъ и въ осужденіи, подписанномъ Іерархами Карловацкаго Синода.

Богословствованіе о. С. Булгакова исходитъ изъ живого чувства реальности тайны жизни Божіяго Существа, тайны онтологическаго Единосущія, и вмѣстѣ — полно трепетнаго чувства того, что все въ мірѣ — въ его основѣ — есть нѣкоторое таинственное „уплотненіе и сгущеніе міра духовнаго“.

Богословствованіе м. Сергія и Іерарховъ Карловацкаго Синода опредѣляется выпаденіемъ изъ ихъ богословскаго сознаниа и мышленія чувства реальной полноты жизни Божественной Сущности, неосознаннымъ истолкованіемъ Ея — въ духѣ номинализма, въ духѣ — пониманія Божеств. Сущности, какъ отвлеченной общей сущности; вмѣстѣ съ тѣмъ, богословствованіе и м. Сергія и Іерарховъ Кар. Синода опредѣляется нечувствіемъ того, что міръ есть „типъ или символъ духовнаго міра“, который „своими основаніями всецѣло содержится въ умопостигае-

момъ“, что міръ существуетъ и стоитъ именно „черезъ нѣкоторое „причастіе“ Божественнымъ энергіямъ“, черезъ „нѣкоторое участіе въ Божественныхъ совершенствахъ“ (Св. Максимъ Исповѣдникъ. Св. Григорій Нисскій; отчасти — и другіе Каппадокійцы, особенно Св. Григорій Богословъ).

5. Система о. С. Булгакова не вмѣстима въ схему рационализирующаго богословствованія, не соизмѣрима съ нимъ. Полагаемъ, что въ этомъ коренномъ различіи самыхъ истоковъ богословствованія о. С. Булгакова и осуждающихъ его находится и ключъ къ разумѣнію того, откуда истекаетъ нелѣпое утвержденіе, что о. С. Булгаковъ „вводитъ 4 ипостасъ“ и вмѣстѣ уясненіе догматическихъ предпосылокъ, лежащихъ подъ настойчивымъ приписываніемъ о. Булгакову того, чего у него нѣтъ. Рационализирующее и номиналистическое богословское сознаніе, разложивъ тайну Единосущной Троичной глубины на „три я, несводимыя одно на другое“, на „три самосознанія“, утративъ чувство таинственной полноты и реальности бытія „Божества и Естества“, „Бога внѣ откровенія“, мысля божест. Сущность только какъ нѣчто „отвлеченное“, реально существующее лишь въ Ипостасяхъ, неизбежно и послѣдовательно должно во всякомъ утвержденіи реальности и полноты бытія Божества, какъ „Бога внѣоткровенія“, видѣть „учетвереніе ипостасей“.

Это обвиненіе — и обвиненіе — подчеркиваемъ — повторяемое несмотря на всѣ указанія, что этого нѣтъ у о. Булгакова — совершенно естественный и даже своеобразно благочестивый выводъ изъ неосознаной догматически-богословской предпосылки, что реально могутъ и должны существовать лишь Три Ипостаси, какъ Три Я, Три самосознанія, „Божество же и Существо“ можетъ и должно быть только отвлеченной общей „умопредставляемой сущностью“.

Мы, конечно, ни на минуту не думаемъ, что митрополитъ Сергій или Карловацкіе Іерархи не православны въ своемъ исповѣданіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаемъ, что предлагаемое ими „истолкованіе“ догматовъ совсѣмъ не является единственнымъ и однозначнымъ выраженіемъ православнаго разумѣнія.

6. Отмѣтимъ въ осужденіи, подписанномъ митр. Сергіемъ еще нѣсколько наиболѣе поразительныхъ проявленій нецерковности, въ смыслѣ утвержденія одного и своего, какъ всего и всеобщаго.

О воплощеніи Сына Божія Митрополитъ Сергій — въ качествѣ общеобязательнаго церковнаго „ученія“ говоритъ — „мы вѣруемъ, что . . . если бы человѣкъ „подобно несогрѣшившимъ ангеламъ, нормально возрасталъ въ подобіи Богу . . . вочеловѣченіе Сына Божія не имѣло бы мѣста. *Таковъ* — съ изумительной смѣлостью и претенціозностью

добавляетъ онъ дальше — былъ изначальный планъ устройства земного міра, предложенный Творцомъ свободѣ Человѣка и ею не осуществленный“. Смѣемъ утверждать, что такой планъ „устройства земного міра“ только приписанъ Богу нѣкоторыми притязательными и безмѣрно рационалистическими догматическими системами.

Св. Максимъ Исповѣдникъ, напримѣръ, исповѣдуетъ иной изначальный планъ устройства земного міра. Для св. Максима Исповѣдника воплощеніе Слова Божіяго есть средоточіе мірового бытія — не зависимо и внѣ искупленія. Оно изволено вмѣстѣ съ твореніемъ, а не только въ предвѣдѣніи паденія.

Такой же замыселъ міротворенія раскрываетъ и служба Благовѣщенія, начинающаяся стихирой, „Совѣтъ превѣчный, открывая Тебѣ Откровице, Гавріиль предста Тебѣ лобзая и вѣщая“ . . .

Митрополитъ Сергій, какъ единое возможное церковное исповѣданіе, пытается утвердить положеніе, что „первоначально человѣкъ отнюдь не созданъ занять такое исключительное положеніе въ твореніи и промышленности Божіемъ, какое онъ занялъ лишь потомъ съ вочеловѣченіемъ Сына Божія, снишедшаго спасти одну изъ ста подробностей своего творенія“ и на основаніи этого обвиняетъ о. С. Булгакова въ еретическихъ домыслахъ относительно исключительнаго изначальнаго положенія человѣка въ твореніи . . .

Такъ получается по ученію той догматической системы, которой придерживается м. Сергій. По разумѣнію же Св. Максима Исповѣдника — какъ разъ изначально и какъ разъ человѣкъ, какъ являющийся средоточіемъ твари, былъ и пребываетъ имѣющимъ исключительное и средоточное положеніе въ мірѣ. По разумѣнію св. Максима Исповѣдника человѣкъ по самому своему устройству призванъ былъ къ тому, чтобы быть обоженнымъ и къ тому, чтобы въ немъ совершилось обоженіе всей твари, ради котораго она измыслена и сотворена. И въ этомъ призваніи уже заключена и тайна Богочеловѣчества. Съ паденіемъ человѣка задача не снимается, а только иначе осуществляется.

Кто же выразитель православнаго ученія — „догматическая система м. Сергія“ или вдохновенныя узрѣнія Преподобнаго Максима?

Не говоря о многомъ другомъ, остановимся еще на одномъ, особенно подчеркивающимъ и характеризующемъ всю губительность утвержденія одностороннихъ „догматическихъ системъ“ въ качествѣ „однозначнаго церковнаго ученія“. Говоря о тайнѣ искупленія, м. Сергій — безоговорочно и авторитетно — въ качествѣ непререкаемаго церковнаго разумѣнія тайны искуп-

ленія провозглашаетъ такъ называемую „юридическую“ теорію искупленія. Согласно этой теоріи (именно теоріи — ибо она въ своихъ основныхъ предпосылкахъ чужда священному Писанію), для умилостивленія прогнѣванной Правды Божіей и для ея удовлетворенія необходимо было принести „выкупъ“, а достаточнымъ „равнозначнымъ“ удовлетвореніемъ Правды Божіей могли быть только страданія и смерть Единороднаго Сына Божія. Эта теорія, оформившаяся и сложившаяся преимущественно въ западныхъ догматическихъ системахъ на основѣ и въ духѣ римскихъ правовыхъ отношеній, переносила въ Божественную любовь и тайну Божественнаго милосердія начала юридика, человѣческой требовательности и немилосердія, исходила не столько изъ новозавѣтнаго духа любви, сколько изъ ветхозавѣтнаго „око за око и зубъ за зубъ“. Восточные Отцы указывали иные пути, иные истолкованія тайны искупленія. Поскольку они видятъ въ воплощеніи Слова Божія не „случайность“, какъ это исповѣдуетъ м. Сергій и другіе стоящіе на точкѣ зрѣнія „юридической теоріи“, вызванную только ошибкой человѣка, а самое существо и изначальный смыслъ всего тварнаго бытія, они иначе, чѣмъ юридическая теорія, разумѣютъ и тайну искупленія.

Тайна искупленія въ разумѣніи восточ. отцовъ безконечно далека отъ духа юридика.

Грѣхъ, по ихъ разумѣнію, разрушилъ изначальный замыселъ Боговоплощенія чрезъ обоженіе превозданнаго Адама, внесъ разладъ. Въ этомъ разладѣ (а не въ примышляемомъ „безконечномъ оскорбленіи Правды Божіей“, требующей „удовлетворенія въ видѣ Крестной Жертвы, приносимой Сыномъ“) вся острота грѣхопаденія. Грѣхопадениемъ разорвана цѣпь бытія, въ міръ вошла смерть, разлагающая и разъединяющая, но этимъ не измѣненъ изначальный планъ и строй міра. Задача — Боговоплощеніе — остается та же самая, но она въ мірѣ падшемъ должна осуществиться инымъ образомъ, чѣмъ въ мірѣ до грѣха. Т. к. смотрѣніе Божіе осуществляется уже въ мірѣ падшемъ и подвергшемся смерти, Богочеловѣкъ оказывается и Агнцемъ Закланнымъ и Искупителемъ. Но „Слово плоть бысть“ не только для искупленія. Тайна Богочеловѣчества, тайна Божественной любви шире и глубже искупительнаго милосердія (Максимъ Исповѣдникъ). Для болѣе основательнаго ознакомленія съ этимъ пониманіемъ искупленія, пониманіемъ исходящимъ изъ живого переживанія Бога, какъ Бога Любви — отсылаемъ къ книгѣ Несмѣлова „Наука о человѣкѣ“, къ книгѣ о. Г. Флоровскаго „Восточные отцы IV. V—VIII в. в.“

И надо сказать, что такое пониманіе тайны искупленія и міровданія несравненно православно и церковно правильно,

чѣмъ теорія, которую м. Сергій излагаетъ въ качествѣ православнаго „церковнаго“ обязательнаго ученія.

Съ глубокой болью отмѣтимъ еще, что упрощенный и обѣдняющій рационализмъ юридической теоріи искупленія привелъ къ тому, что учебники по антирелигіозной работѣ постоянно пользуются ею для своихъ цѣлей, тоже выдавая ее за „единственно вѣрное изложеніе христіанскаго ученія.“ Такъ съ внутренней необходимостью завершается порочный кругъ рационалистическаго и законническаго искаженія тайны соборности и мистической конкретности.

Богословствующій рационализмъ изводитъ къ бытію своего страшнаго двойника — оборотня — рационализирующую антирелигіозность.

* * *

Входитъ въ обсужденіе системы о. Сергія Булгакова по существу — сейчасъ мы не имѣемъ возможности. Она подлежитъ строгому всецерковному изслѣдованію и испытанію, но испытанію по существу, а не съ точки зрѣнія той или иной схемы. Объ этомъ просить и самъ о. С. Булгаковъ. Скажемъ только, что по своимъ истокамъ, по духу, по методу, по своему общему тону богословствованіе о. Сергія православно и гораздо ближе къ православію и святоотеческой традиціи, чѣмъ „сужденія“, предлагаемая церковному сознанію въ качествѣ единственнаго православнаго „образца“ церковнаго правосмысла.

И. Лаговскій.

Посѣщеніе Англиканами Русскаго Церковнаго Парижа.

Англо-Русскій съѣздъ, состоявшійся недавно во Франціи, явился, несомнѣнно, крупнымъ шагомъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго сближенія Англиканской и Православной церкви.

Онъ былъ устроенъ Содружествомъ имени Преп. Сергія Радонежскаго и Св. Муч. Албанія, которое уже въ теченіе 9 лѣтъ организуетъ въ Англій встрѣчи Англиканъ и Православныхъ. Приѣздъ Англиканъ въ Парижъ былъ ихъ отвѣтнымъ визитомъ на посѣщенія Православными ихъ страны.

Съѣздъ происходилъ съ 30 декабря 1935 г. по 3 января 1936 г. въ замкѣ Кэнси около Парижа, въ помѣщеніи Русской школы для дѣвочекъ, любезно предоставленномъ Содруеству попечительницей школы — великой княгиней Ириной Павловной. Онъ собралъ около 100 человекъ и былъ посвященъ темъ „Церковь и Миръ“. Англиканскіе и Русскіе ораторы проявили

исключительное единомысліе, какъ въ опредѣленіи причинъ духовнаго кризиса, переживаемаго сейчасъ секуляризованнымъ челоувѣчествомъ, такъ и духовныхъ путей для его преодоленія. Трудно было повѣрить, что выдающіеся докладчики (съ Русской стороны говорили проф. Булгаковъ, Бердяевъ, Флоровскій, Карташевъ, Федотовъ), выступавшіе на сѣздѣ, принадлежать къ двумъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, настолько духовно близки были они другъ другу.

Такое же единство выявилось во время Богослуженія на сѣздѣ. Каждое утро всѣ его участники молились вмѣстѣ или на Православной, или на Англиканской Литургіи. Этотъ сѣздъ, несомнѣнно, съ особой силой выявилъ все растущую близость между Англиканами и Православными, которая стала особенно очевидной благодаря энергичной работѣ Англо-Православнаго Содружества, оказывающаго большое вліяніе на широкіе круги молодого поколѣнія Англиканскаго духовенства, посылающаго ежегодно своихъ лучшихъ представителей на сѣзды Содружества.

Самымъ значительнымъ событіемъ, однако, было посѣщеніе Англиканами Русскаго церковнаго Парижа, которое состоялось 1 января.

Русскій Парижъ, съ его 25 приходами, Соборомъ, Богословскимъ Институтомъ, Студенческимъ Христіанскимъ Движеніемъ, многочисленными церковно-благотворительными и просвѣтительными учрежденіями, — уже давно привлекалъ вниманіе Англиканъ. Теперь они получили возможность лично познакомиться съ церковной жизнью Русскихъ въ Парижѣ.

Началось это посѣщеніе съ Кафедральнаго Собора Александра Невскаго. Послѣ торжественной заупокойной литургіи и панихиды, отслуженной Митрополитомъ Евлогіемъ по Фотіи, Патриархъ Константинопольскомъ, былъ отслуженъ Англиканскій молебенъ. Это исключительное событіе въ исторіи отношеній между Англиканской и Православной церквами привлекло огромное число молящихся. Честь первой Англиканской службы въ Православной церкви выпала на долю Епископа Фрира, большого и вѣрнаго друга Православія, автора лучшей исторіи Русской церкви на англійскомъ языкѣ. Величественная фигура старца Епископа въ полномъ облаченіи и въ митрѣ, окруженнаго молодымъ Англиканскимъ духовенствомъ въ ризахъ, стройное пѣніе Англиканъ, ихъ искренняя молитва произвели глубокое впечатлѣніе на всѣхъ русскихъ, и весь храмъ принялъ живое молитвенное участіе въ Англиканской службѣ.

По окончаніи ея толпа устремилаь за благословеніемъ къ Митрополиту Евлогію и къ Епископу Фриру, тѣмъ самымъ

выражая свою радость и одобрение по поводу братскаго общенія въ молитвѣ между представителями двухъ сестеръ церквей.

Въ своемъ краткомъ словѣ Митрополитъ Евлогій отмѣтилъ все растущую близость между Англиканами и Православными и выразилъ свое желаніе, чтобы „единеніе въ любви и молитвѣ приняло болѣе постоянныя и тѣсныя формы“.

Послѣ службы Англикане отправились осматривать различныя центры Русскаго церковнаго Парижа. Они посѣтили Богословскій Институтъ, Приходскіе Храмы, Общежитіе для безработныхъ, Студенческое Христіанское Движеніе и центръ Православнаго дѣла. Во время посѣщенія Студенческаго Христіанскаго Движенія Каноникъ Мортонъ произнесъ очень интересную рѣчь, объясняющую, почему Англикане интересуются Православіемъ. Онъ указалъ, что въ Православіи они находятъ не нѣчто новое, а свою подлинную духовную родину, которую они были въ опасности потерять въ бурную эпоху борьбы между Римомъ и Протестантизмомъ. Онъ особенно подчеркнул то духовное вдохновеніе, которое они черпаютъ въ Православномъ Богослуженіи.

Эти же мысли были неоднократно высказываемы и другими Англиканами, участниками съѣзда, которые постоянно подчеркивали то подлинное духовное и догматическое единство, которое связываетъ ихъ съ Православіемъ.

Все видѣнное и слышанное ими произвело глубокое впечатлѣніе на Англиканъ. Они воочію убѣдились въ жизненности Русской Церкви, которая въ неимоверно трудныхъ условіяхъ изгнанія продолжаетъ вести героическую работу просвѣтительнаго, благотворительнаго и миссіонерскаго характера. Преклоненіе Англиканъ передъ Православіемъ, вѣра въ конечную побѣду Церкви въ Россіи — были основной темой всѣхъ ихъ рѣчей на заключительномъ собраніи съѣзда. Но Англикане не на однихъ словахъ выразили свою любовь къ Православію. Члены Содружества ведутъ въ настоящее время большую работу по всей Англии, устраивая лекціи и собесѣдованія, объясняя Православное ученіе и современное положеніе гонимой церкви въ Россіи. Они собираютъ попутно и средства на поддержку Русскихъ церковныхъ учреждений. Эта самоотверженная помощь Русскимъ Христіанамъ не осталась безотвѣтной, и тотъ горячій порывъ, которымъ Англикане были встрѣчены въ Русскомъ Соборѣ, засвидѣтельствовалъ еще разъ, что никогда любовь во Христѣ не остается безплодной.

Жертвенная работа молодыхъ Англиканскихъ священниковъ, трудящихся для помощи гонимой Русской церкви въ эти годы ея страданій и униженій, несомнѣнно, принесетъ благодатные плоды и приблизитъ день соединенія Православія и Англи-

канства, — этихъ двухъ церквей, столь близкихъ другъ къ другу и такъ нуждающихся сейчасъ во взаимномъ общеніи и поддержкѣ.

9, I. 36.

Н. Зерновъ.

Жизнь Движенія.

Франція.

1 декабря 1935 года состоялось освященіе новаго помѣщенія Движенія (91 Rue Olivier de Serres). Молебень служилъ Владыка Митрополитъ Евлогій въ сослуженіи о. о. С. Четверикова, С. Булгакова, В. Юрьева, Л. Липеровскаго и А. Чекава.

На освященіи дома присутствовало около 250 человекъ. Среди нихъ — много общественныхъ дѣятелей. Съ привѣтственными рѣчами выступали Е. П. Ковалевскій (отъ Парижской Академической группы), М-ле Julien (отъ имени Студенческой Федерациі) о. С. Булгаковъ, В. В. Зѣньковскій, А. В. Морозовъ, Л. А. Зандеръ, А. И. Никитинъ.

Новое помѣщеніе находится въ большомъ старомъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ котораго раньше помѣщалась типографія. Ремонтъ былъ произведенъ собственными силами: среди членовъ Движенія нашлись столяры и знатоки малярнаго дѣла. Принимали участіе и не члены Движенія. Нѣкоторые изъ нихъ за время совмѣстной работы такъ познакомились съ Движеніемъ, что — по окончаніи ремонта — подали заявление о вступленіи въ члены Движенія. Наемъ новаго помѣщенія, приведеніе его въ порядокъ и приспособленіе его подъ новыя надобности, потребовалъ большихъ расходовъ. Для доведенія дѣла до конца — пришлось даже прибѣгнуть къ займамъ. Переходъ въ новое помѣщеніе, оборудованное своими силами и своимъ трудомъ, былъ большимъ событіемъ въ жизни Движенія въ Парижѣ, сблизилъ всѣхъ, создалъ настроеніе повышенной бодрости и радости. Для пополненія кассы Движенія ежегодную финансовую кампанію Движенія пришлось начать и провести въ ускоренномъ порядкѣ.

* * *

Благодаря помощи отдѣльныхъ друзей и значительному ассигнованію изъ суммъ т. н. „нансеновскаго сбора“ (каждый эмигрантъ платитъ ежегодно 20 фр. фр. Эти суммы идутъ на организацію помощи эмиграціи) — удалось расширить дѣло помощи безработнымъ: помимо общежитія (на 45 человекъ) и столовой для безработныхъ, оказалось возможнымъ снять спе-

ціальное помѣщеніе для ночлеговъ въ одномъ изъ домовъ, устроенныхъ Арміей Спасенія.

По инициативѣ и трудами группы лицъ, во главѣ съ А. Е. Матео организованъ „Трудовой дѣвичій очагъ и дѣвичье общежитіе“ въ помѣщеніи на улицѣ Villa de Saxe 9. Предварительно — пришлось много потрудиться для того, чтобы привести снятый въ наемъ домъ въ порядокъ; многія комнаты были заново отремонтированы. Обстановка была частью пожертвована, частью приобрѣтена „по случаю“ и въ разсрочку. „Дѣвичій очагъ“ рассчитанъ на двадцать человекъ. Въ „Дѣвичій очагъ“ и общежитіе принимаются одинокія студентки, служащія и безработныя. Послѣднимъ — въ мастерскихъ очага предоставляется — по мѣрѣ возможности — работа.

4 марта состоялось освященіе и открытіе очага-общежитія. На освященіи присутствовалъ Владыка Митрополитъ Евлогій, уполномоченный Лиги Націй по дѣламъ русскихъ бѣженцевъ въ Парижѣ и многіе представители русской общественности.

* * *

1 января англичане — участники англо-русскаго съѣзда въ Кенси — посѣтили Парижъ. Посѣщеніе началось присутствіемъ на заупокойной (по почившемъ Патріархѣ Фотіи) литургіи. По окончаніи литургіи англиканское духовенство — во главѣ съ Епископомъ Фрирскимъ, вышло на средину храма (соборъ на рю Дарю) чрезъ дверь ризницы (царскія врата оставались закрытыми). Епископъ поднялся на ахіерейское возвышеніе и начался молебенъ. Служба произвела огромное впечатлѣніе, какъ на англичанъ, такъ и на многочисленныхъ русскихъ, присутствовавшихъ на ней. По окончаніи молебна всѣ подходили и цѣловали евангеліе, лежавшее на аналоѣ, и руку епископа. Интересно отмѣтить то, какъ это совмѣстное моленіе было воспринято. Пожилая богомолка обращаясь къ женѣ одного изъ профессоровъ сказала — „вотъ, слава Богу, съ англичанами вмѣстѣ молимся, а тамъ и всѣ вмѣстѣ будутъ молиться, дорогуша“.

Послѣ молебна, англичане посѣтили Сергіевское Подворіе и Богословскій институтъ, затѣмъ побывали въ общежитіи для безработныхъ, устроенномъ Движеніемъ.

Въ пять часовъ вечера гости посѣтили новое помѣщеніе Движенія. Пріемъ былъ сердечнымъ и задушевымъ. Собраніе велось — подъ предсѣдательствомъ А. В. Морозова — на англійскомъ языкѣ. Залъ былъ украшенъ зеленью и цвѣтами. Англичанъ угостили чаемъ „по англійски“ (очень крѣпкимъ). Послѣднимъ посѣщеніемъ, которымъ закончилось знакомство англичанъ съ Парижемъ — было посѣщеніе общежитія, организованнаго матерію Маріей (Скобцовой).

Англія.

Расширяется работа Англо-русскаго содружества. Сейчас содружество начало созывать въ Англіи мѣстные сѣзды. Собирается очень живая англійская молодежь и тѣ русскіе въ Англіи, которые работаютъ въ Англо-русскомъ содружествѣ.

Чехословакія.

Прага. Оставшаяся небольшая группа членовъ Движенія собирается разъ въ мѣсяць — при участіи о. архимандрита Исаакія — для сомѣстной молитвы и бесѣды. Собранія происходятъ на квартирахъ членовъ Движенія.

Въ послѣднее время начали устраиваться открытыя историко-литературныя собранія. Идетъ работа съ молодежью („Витязи и дружинницы“). Нѣкоторые изъ членовъ Движенія принимаютъ участіе въ работѣ соколовъ. Къ сожаленію — отсутствіе свободнаго времени мѣшаетъ развернуть работу Движенія въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.

Болгарія.

Движеніе работой среди юношества и благотворительными начинаніями широко и глубоко вошло въ жизнь русскаго общества въ Софіи. Но за послѣднее время ослабѣла работа въ студенческой средѣ. Это отчасти связано съ тѣмъ, что главное вниманіе Движенія въ послѣдніе годы было обращено прежде всего на работу среди юношества. Сильно сказался на работѣ и отъѣздъ изъ Софіи старыхъ Движенцевъ, кончившихъ университетъ и отсутствіе людей, могущихъ отдавать Движенію все свое время.

Сейчасъ Движеніе вошло въ союзъ „Защиты ребенка“ и пользуется денежной помощью со стороны государства. Въ частности — на устройство лагеря для молодежи Движеніе получило отъ Государства 24 000 лева, на работу среди юношества 10 000 и на столовую для дѣтей — 10 000.

Финляндія.

Гельсингфорсъ. Работа кружка идетъ живо. Составъ его пополнился рядомъ новыхъ членовъ. Въ кружкѣ много новаго и въ смыслѣ духа и въ смыслѣ требованій. Поѣздка — богомолье — на Валаамъ, въ которой принимала участіе часть членовъ кружка, имѣла большое значеніе въ жизни кружка. Большую духовную помощь кружку оказываетъ почти постоянное участіе въ работѣ о. В. Богоявленскаго и — періодическое —

о. Иеромонаха Луки (съ Валаама). Много дало посѣщеніе кружка Владыкой Сергіемъ (Пражскимъ).

На Рождествѣ кружокъ устроилъ дѣтскую елку. Благодаря усиленной помощи новыхъ членовъ кружка, елка прошла особенно оживленно и удачно: ребятишки рѣшили, что „елка у тети Л. — самая лучшая“.

Эстонія.

Движеніе въ Эстоніи сейчасъ переживаетъ отвѣтственные дни. Уже неоднократно, какъ въ отдѣльныхъ Единеніяхъ, такъ и на сѣздахъ Совѣта Движенія въ Эстоніи поднимался вопросъ объ углубленіи духовнаго начала въ жизни Движенія и о необходимости для каждаго члена сознательнаго пересмотра своего отношенія къ Движенію.

На сѣздѣ Совѣта Дв. въ Эстоніи (11—12 января 1936 г.) было рѣшено въ каждомъ Единеніи провести недѣлю подтвержденія членства, которая должна пройти, какъ дни покаянія и молитвы и закончиться говѣніемъ и приобщеніемъ Св. Тайнъ.

Основное содержаніе членства въ Движеніи Совѣтъ опредѣлили слѣдующими положеніями;

1) Основной задачей Движенія является дѣятельное служеніе Господу Иисусу Христу и Православной Церкви, осуществляемое, какъ трудъ надъ устроеніемъ всей жизни на церковной основѣ.

2) Служеніе этой задачѣ требуетъ отъ отдѣльнаго Движенца и отъ Движенія въ цѣломъ постоянной внутренней работы и стремленія къ духовному росту, что возможно только при личной молитвенной и общей литургической жизни.

3) При ослабленіи или отодвиганіи этого главнаго и основнаго, — вся внѣшняя активность, какъ бы удачно она ни проявлялась, теряетъ свой основной смыслъ.

4) Молитвенное и литургическое напряженіе и жизнь не могутъ быть жизнью только для себя и для „своего уюта“. Долженъ быть трудъ надъ оцерковленіемъ жизни, созиданіе условій для него. Молитвенное и литургическое устремленіе должно быть соединяемо съ принятіемъ религіозно-культурнаго служенія, какъ церковнаго долга и духовнаго пути. Молитвенный и духовный ростъ долженъ соединяться съ постояннымъ ростомъ движенцевъ, какъ работниковъ надъ построеніемъ православной культуры, съ постояннымъ трудомъ надъ раскрытіемъ и уясненіемъ смысла и задачи Движенія, какъ пути цѣлостной жизни.

Для каждаго движенца поэтому обязательно посѣщеніе и внутреннее активное участіе въ идеологическихъ собраніяхъ Единеній, устраиваемыхъ развѣ въ мѣсяцъ.

5) При подтвержденіи членства каждый движенецъ долженъ опредѣлить свое мѣсто въ общей работѣ Движенія и указать то, что онъ избираетъ для себя въ качествѣ отвѣтственной формы своего личнаго участія въ общей задачѣ Движенія. При этомъ Совѣтъ предостерегаетъ противъ узко-практическаго пониманія этого требованія. Смыслъ его — есть требованіе лично активнаго и отвѣтственнаго отношенія къ Движенію. Подъ активностью совсѣмъ не подразумѣвается активность въ смыслѣ только внѣшней. Молитвенная память о Движеніи — постоянная и отвѣтственная — есть и должна быть столь же активностью, какъ и непосредственная занятость въ работѣ Движенія. Основнымъ въ этомъ требованіи является требованіе, чтобы принимаемое рѣшеніе относительно формы личнаго участія въ общей жизни было активнымъ принятіемъ отвѣтственности за жизнь и судьбу Движенія.

Содержаніе „Вѣстника“ за 10 лѣтъ.

I. Христіанство, Церковь и современность.

Арсеньевъ, Н. С. О богатствѣ тайны Божіей. 8, 1928.

— О характерѣ религіознаго познанія. 6—7, 1932.

Артемьевъ, М. Принципы и программа заочнаго руководства самообразованіемъ. 7, 1931.

Афанасьевъ, Н. Н. Большой годъ. 7, 1931.

Безобразовъ, С. С. (іером. Касіанъ). Причѣ о неправедномъ домоправителѣ. 8—9, 1929.

Бердяевъ, Н. А. Еврейскій вопросъ. 12, 1931.

— Кризисъ Христіанства и кризисъ культуры (запись доклада). 8, 1931.

— Христіанство и еврейскій вопросъ. 3, 1931.

— Вѣчность и время (запись доклада). 3, 1935.

Булгаковъ, прот. Сергій. Свѣтлый покровъ надъ міромъ. 10, 1926.

— Небо Вертепъ. 1, 1927.

— Творческій ликъ Церкви. 1—2, 1929.

— Страстное Благовѣщеніе. 3, 1929.

— Православіе и социализмъ. 1, 1930.

— Новый соблазнъ въ христіанскомъ мірѣ. 3, 1930.

— Догматическое обоснованіе культуры. 7, 1930.

— По поводу двухъ писемъ. 7, 1930.

— Храмъ и градъ. 1, 1931.

— Радость креста (запись бесѣды). 2, 1931.

— Православіе и культура (запись доклада). 10, 1931.

— Наше знамя. 1, 1934.

— При рѣкѣ Ховаръ. 4—5, 1935.

— Передъ началомъ. 6—7, 1935.

— Слово объ Утѣшителѣ. 12, 1935.

Ванекъ, прот. О Церкви. 4—5, 1935.

Вейдле, В. Искусство безъ религіи (запись доклада). 3, 1933.

— Проблема христіанскаго искусства (запись доклада). 5—6, 1933.

Веніаминъ, епископъ. Какъ изучать святыхъ отцовъ. 10, 1926.

Вышеславцевъ, В. П. „Возвышенное“ и „высокое“ (запись доклада). 10—11, 1932.

— Проблема любви въ свѣтѣ современной психологіи. 7—8, 9—10, 1933.

— Культура сердца. 1, 1934.

— Совершенная любовь. 3, 1934.

- Гребенщиковъ, Г.** Игумень всея Руси. 7—8, 1934.
- Гринченко, Л.** Наша національная задача. 7, 1927.
— Отцы и дѣти. 2, 1930.
- Дейша, А., инж. мех.** Организация промышленности и Православіе. 2, 1932.
- Драhusовъ.** О смертной казни. 7—8, 9—10, 1933.
- Езерскій, Н.** Два принципа христіанскаго возрожденія. 2, 1927.
- ин. Ек.** Рождество въ Вифлеемѣ. 12, 1932.
— Святая Земля. 1, 2, 3, 1933.
— Праздникъ Успенія Божіей Матери въ Иерусалимѣ. 7—8, 1933.
- Зандеръ, Л. А.** Къ статьѣ Керна. 5, 1927.
— О планомѣрномъ добрѣ. 2, 1930.
- Зерновъ, Н. М.** Земля и вселенная. 4, 5, 7, 1928.
— Исканія протестантской молодежи. 3, 1931.
— Христіанскій Западъ на распутьи. 6, 1931.
- Зѣньковскій, В. В.** Настало время. 1—2, 1929.
— Церковь и реакція. 1—2, 1929.
— О сектантствѣ въ Россіи. 4, 1929.
— Нѣсколько словъ въ отвѣтъ К. Серезникову. 3, 1930.
— О такъ называемомъ „Экуменическомъ вопросѣ“. 6, 1930.
— Идея религіозной науки. 8—9, 1930.
— Нуженъ религіозный подходъ. 12, 1931.
— Проблема церковной культуры, 1, 1933.
— Основы экуменическаго общенія. 1—2, 1935.
— Новый этапъ. 8—11, 1935.
- Л. Н. Толстой какъ религіозный типъ. 12, 1935.
- Ильенко, И.** Церковное пѣніе. 1, 1928.
- Ильинъ, В. Н.** Этюды о русской культурѣ.
1. Блокъ и Россія. 1, 1931.
2. Достоевскій и Гоголь. 3, 1931.
3. Лѣсковъ. 4, 1931.
4. Чайковскій, Тургеневъ, Толстой. 5, 6, 1931.
5. Н. Федоровъ и преп. Серафимъ Саровскій. 7, 8, 9, 11, 1931.
— Печаль души молодой (М. Ю. Лермонтовъ). 1, 1932.
— Фаустъ и Перъ Гюнтъ. 8—9, 1932.
— Преподобный Серафимъ — Отрада земли Русской. 1, 1933.
— Трагедія безответной молитвы. 3, 1933.
— Радость вѣчнаго свѣта. 4, 1933.
— Къ особенностямъ творчества И. А. Бунина. 1, 1934.
- Иоаннъ, іером. (Шаховской).** Проповѣданная тайна. 7, 1928.
— Апокалипсическія мелочи. 9, 1928.
— Посланіе ап. Павла къ Филимону. 3, 1929.
— Учетъ сердца. 1, 1932.
— Мысль о самоубійствѣ. 2, 1932.
— О прямыхъ путяхъ (Неправда теософій и антропософій). 10—11, 1932.
— Фундаменты. 12, 1932.
— О послѣднемъ довѣрїи. 9—10, 1933.
— Духовно-этическіе этюды. 9, 1934.
- Калашниковъ, прот. Александръ.** Чаю воскресенія мертвыхъ. 4, 1930.
— Православіе и инославіе. 7, 1931.
- Калининъ, П.** Сокровище неоцѣненное. 4, 1929.
— Всегда радуйтесь. 8—9, 1929.
— Православный отвѣтъ. 8—9, 1929.
— Путь православный. 10, 1929.
— Духъ смиренномудрїи. 12, 1929.
— Третій день. 2, 1931.
— Пути православнаго активизма. 3, 1932.
- Карножицкій, Н.** Жалость, какъ основа любви къ ближнему въ Русской жизни. 3, 1932.
- Карповъ, А.** Объ идеологіи. 3, 1927.
- Карташевъ, А. В.** Путеводитель по русской богословской наукѣ. 11, 1928.
— „О соединенїи всѣхъ.“ 1—2, 1929.
— Церковь и государство (запись бесѣды). 6, 1931.

Церетеллн, о. І. О русскихъ святыхъ и угодныхъ Богу людахъ. 11, 1926.
 — О христіанской наукѣ. 8, 9, 1927.
Чаусовъ, И. Забытый путь богопознанія. 10, 11, 1928.
 — О чтеніи Библіи. 3, 1929.
 — Жизненный литургическій вопросъ. 7, 1929.
Четвериковъ, прот. Сергій. О внутреннихъ препятствіяхъ на пути къ Евангелію. 1, 2, 3, 5, 1927.
 — Теософія и христіанство. 10, 1927.
 — Христіанство, какъ рожденіе новой жизни. 2, 1928.
 — Два юбилея. 10, 1928.
 — Мысли о жизни русскихъ старцевъ. 1—2, 1929.
 — Христосъ Воскресе. 5, 1929.
 — Св. Димитрій Ростовскій. 6, 1929.
 — Новый Годъ и Церковь. 1, 1930.
 — О мѣстѣ Ветхаго Завета въ христіанствѣ. 5, 1930.
 — Экуменизмъ и единство Церкви. 7, 1930.
 — Надъ Евангеліемъ. 11, 12, 1930 и 1, 2, 1931.
 — Православный пастырь и современная молодежь. 8, 1931.
 — Передъ новымъ Годомъ. 1, 1932.
 — Пасха въ Саровѣ. 2, 1933.
 — Нѣсколько словъ по поводу замѣтки „Когда это кончится?“ 2, 1934.
 — Религіозно-христіанское міросозерцаніе, какъ основаніе челоувѣческой жизни и культуры. 1—2, 1935.
 — Во дни юности. 8—11, 1935.
 Апологетическія замѣтки. 5—6, 1931; 4—5, 1932; 3, 1933.
 Бесѣда о кротости. 6, 1931.
 Бесѣда о молитвѣ Господней. — Филаретъ митрополитъ Московскій. 3, 1931.
 Бесѣда св. Серафима Саровскаго съ Мотовиловымъ 1, 2, 3, 4, 6, 7, 1927.
 Богословіе въ линіяхъ. 3, 1931.
 Въ чемъ заключается главная обязанность прихода? — С. 5, 1929.

Добротолубіе въ извлеченіяхъ. 1—12, 1927.
 Духовная жизнь въ міру. 4—5, 6—7, 1935.
 Духъ дышетъ идеже хоцетъ. — Н. Бобровниковъ. 12, 1926.
 Единство Церкви. — М. Энденъ. 9, 1927.
 Злоба и безуміе. — И. М. 11—12, 1933.
 Идея „Общаго дѣла“. 10, 1934.
 Изъ автобіографіи Іоанна Кронштадскаго. 1, 1934.
 Изъ автобіографіи Св. Терезы. — пер. съ фр. Т. Манухиной. 2, 1927.
 Изъ стихирь праздника Рождества Богородицы. 8—9, 1931.
 Какъ страдалъ и умеръ Высокопреосвященный Антоній Архіепископъ Архангельскій. — Пасторъ Шабертъ. 4, 1934.
 „Когда это кончится“. 2, 1934.
 Къ великому посту. — о. І. Кронштадскій. 2, 1934.
 Къ началу великаго поста. 3, 1929.
 Милость Божія (обновленіе иконы). 7—8, 1933.
 Національный вопросъ въ свѣтѣ христіанства. 4, 1934.
 Новое догматическое сознаніе. — З. и Л. 3, 1928.
 О братской любви и мирѣ. — Изъ твореній св. Макарія Египетскаго. 12, 1927.
 Обще-русская радость. 11—12, 1933.
 О дѣлахъ житейскихъ. — Еп. Феофанъ Затворникъ. 12, 1926.
 О. Іоаннъ Кронштадскій. 2, 1934.
 О милосердіи Божіемъ. — М. Іонъ. 2, 1931.
 О неосужденіи ближняго. — Авва Дорофей. 12, 1926.
 Оптинскій старецъ Амвросій и молодежь. 3, 1929.
 О св. Причастіи (изъ твореній Златоуста). 3, 1933.
 О силѣ молитвы. — о. Іоаннъ Кронштадскій. 10, 1927.
 О совершенной любви. — (Изъ бесѣдъ св. Іоанна Златоуста). 7, 1931.
 Пареміи Богородичныхъ праздниковъ. 10, 1931.
 Пасхальныя пѣснопѣнія. — М. Скабаллоновичъ. 4, 1931.
 Пасхальная ночь. 4, 1933.

Передовыя статьи. — 1, 10, 1928; 12, 1929; 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8—9, 10, 11, 1930; 1, 2, 5, 6, 7, 8—9, 11, 12, 1931; 1, 2, 3, 4, 6—7, 8—9, 10, 11, 1932; 9—10, 11—12, 1933; 1, 2, 5—6, 7—8, 9, 10, 11—12, 1934; 1—2; 8—11, 12, 1935.

Письма о церковной общественности. 10, 11, 12, 1932.

Подвигъ св. Апостоловъ (о. Иоаннъ Кронштадскій). 4, 5—6, 7—8, 1933.

Послѣдній и рѣшительный. Вл. В. 5—6, 1934.

Похвала Пасхѣ. 4, 1931.

Почитаніе Божіей Матери поразуму Св. Православной Церкви. — Митрополитъ Сергій. 7—8, 1933.

Процессъ митрополита Веніамина. 8—9, 1931.

Пути христіанина и современность. 11—12, 1933.

Радость на вѣки. — о. Павелъ Флоренскій. 5, 1927.

Рождество Богородицы. 8, 1931.

Россія. — К. 2, 1928.

Святая Русь. — Е. Бергманъ. 6—7, 1931.

„Св. Двоица“. 5, 1931.

Слово на свят. Пасху. — Св. Иоанна Златоуста. 4, 1931.

Смерть Жуковскаго. — (Эллисъ.) 9—10, 1933.

Соборность и организація. — С. В. 12, 1930.

Событіе Введенія во храмъ Пресвятыя Дѣвы. 11, 1931.

Старая икона. — Странникъ. 7, 1927.

Столѣтняя годовщина блаженной кончины св. Серафима. — М. Дьяченко. 1, 1933.

Съѣздъ Православной Культуры. 7, 1930.

Съѣздъ лиги Православной Культуры. 3, 1935.

Федоровъ Н. Ф. Жизнь и ученіе. 5—6, 7—8, 9—10, 11—12, 1933.

Филантропія. — Діак. Г. Цебриковъ. 8, 1928.

Христіанинъ, политика и государство. 9, 1934.

Христіанство или національная идея. — В. 12, 1932.

Христосъ Воскресе. 5, 1932; 4, 1933.

Церковный народъ и политическая партія. — Церковникъ. 4, 1931.

Церковь и государство. 9, 1934.

„Эволюція и борьба за существованіе.“ — Т. 3, 1933.

Юбилей о. А. Ванекъ. 7—8, 1933.

II. Религіозная жизнь въ Совѣтской Россіи.

Ю. Арсеньевъ. Подлинный ликъ обновленчества. 1, 1928.

М. Артемьевъ. Тайная религ. академія въ Сов. Россіи. 4, 1931.

В. Бухгольцъ. Религіозная работа среди дѣтей въ Москвѣ. 4, 1931.

В. Б. Борьба за вѣру. 4, 1934.

В. Ф. На безбожномъ фронтѣ. 1, 1933.

Г. Кесарево Кесарю — Божіе Богу. 10, 1928.

Н. Зерновъ. Битва съ Богомъ. 1—2, 1927.

— Новые герои совѣтской литературы. 12, 1927.

— Вѣритъ ли въ Бога молодежь въ Россіи. 6, 1928.

— Комсомольская смѣна. 9, 1928.

— Гоненія на вѣру въ Россіи и англійскіе христіане. 5, 1930.

З. Коренчевская. Православіе въ странѣ безбожниковъ. 3, 1928.

Н. А. Лаговскій. Антирелигіозная пропаганда въ системѣ просвѣщенія СССР. 10, 11, 1926.

— Въ часъ испытаній. 11, 1927.

— Св. Русь и совр. Россія. 2, 1928.

— Миръ окрадываемый. 3, 4—8, 1928.

— Церковь борющаяся. 10, 1928.

— Съ того берега. 12, 1928.

— „Расни Его.“ 1, 1930.

— Мировое безбожіе. 2, 1931.

— Тамъ, гдѣ съ Богомъ борются. 3, 5, 7, 12, 1931.

— Совѣтскіе школьники. 3, 4, 5, 1932.

— „Шагай, новый человекъ“. 4, 1933.

— Итоги безбожной пятилѣтки. 1, 1934.

— Передъ новыми испытаніями. 5—6, 1934.

— Завершительный шагъ. 7—8, 1934.

— Показательный опытъ. 9, 1934.

- „Воинствующее безбожіе въ СССР въ 1934 году.“ 1—2, 3, 1935.
- „Да воскреснетъ Богъ.“ 6—7, 1935.
- Оживленный мертвецъ. 8—11, 1935.
- Ник. Мартыновъ.** Срыгіе часовни Иверской Божіей Матери. 10, 1929.
- Ф. Мельниковъ.** Безбожіе въ СССР. 7—8, 1934.
- Л. Михайлова.** Дѣти тамъ и здѣсь. 6, 1927.
- Е. Наумовъ.** Вѣсти изъ Россіи и думы о ней. 3, 1931.
- Д-ръ Н. Вл.** Христіанскіе побѣги. 5, 1929.
- К. Струве.** Новая эпоха, или перковная бѣда. 1, 1927.
- Б. Старкъ.** Россія и эмиграція. 7, 1928.
- Т. В.** „Страшно впасть въ руки Бога живого.“ 7—8, 1934.
- Тимашевъ.** Многоликость совѣтскаго церковнаго права. 10, 1927.
- П. Туруханскій.** Какъ были убиты епископы. 5, 1930.
- Прот. С. Четвериковъ.** Два міра. 3, 1930.
- Ю. Б.** Тамъ. 9, 1928.
- К. Шевичъ.** Тихоновская Россія и эмиграція. 7, 1927.
- Борьба за душу Россіи. 9, 1927.
- Кризисъ безбожія въ Россіи. 2, 1928.
- Сошелъ ли м. Сергій съ пути патр. Тихона. 9, 1928.
- Антирождественская компанія въ Совѣтск. Россіи. 1—2, 1929.
- Церковь въ Россіи. 3, 1929.
- Борьба за душу Россіи. 6 и 7, 1929.
- Религія и коллективизація. 4, 1930.
- Борьба за вѣру въ СССР. 1, 1931.
- Русская Церковь въ 1931 году. 1—2, 1932.
- Яно.** Чего мы хотимъ. 6, 1927.
- Эдди.** Россія — страна противорѣчій. 1, 1927.

Борьба противъ Бога. 4, 1929.

Будни Совѣтскіе. 5—6, 1934.

Воззваніе странствующаго проповѣдника въ Сов. Россіи. 6, 1929.

- Въ Россіи. 4, 1933.
- Дневникъ Введенскаго. На передовыхъ позиціяхъ. 6, 1927.
- Есенинщина. 7, 1927.
- Закрытіе храмовъ. 4—5, 1935.
- Изъ жизни Старобрядчества. 1, 1927.
- Изъ Россіи. 4, 1931.
- „Изъ Россіи пишутъ.“ 8—9, 1929.
- Изъ рѣчи Ярославскаго. 3, 1934.
- Изъ Сибири. 11, 1930.
- Изъ частнаго письма. Настроенія Совѣтской молодежи. 6, 1927.
- Конкурсъ на романъ о большевизмѣ. 4, 1933.
- Людымъ братьямъ. 6, 1929.
- Новый бытъ духовенства. 5, 1928
- Отрывки изъ писемъ изъ каткомбной Россіи. 8—9, 1929.
- Отрывки изъ письма сельскаго священника. 7 и 11, 1927.
- Письма изъ Россіи. 7, 1928.
- Письма изъ Россіи. 2, 4, 5, 7, 1930.
- Письмо изъ совѣтской тюрьмы. 8, 1928.
- По росту безбожія Германія слѣдуетъ за СССР. 4—5, 1935.
- Протестъ Англійской общественности противъ религіозныхъ преслѣдованій въ СССР. 2, 1930.
- „Раскулачиваютъ“. (Изъ романа М. Шолохова „Поднятая Цѣлина“). 6—7, 1932.
- Русь православная (Доставлено изъ Россіи). 10, 1929.
- Синодальная (обновленческая) церковь въ СССР. 11, 1926.
- Синодальная церковь въ Россіи. 6, 1927.
- Сколько дѣйствующихъ церквей въ Сов. Россіи. 1, 1933.
- Совѣтское издательство. 3, 1934.
- Совѣтская жизнь. 9—12, 1933; 3, 5—6, 4, 11—12, 1934; 1—2, 1935.
- Студенчество въ Сов. Россіи. 8, 9, 10, 1931 и 10, 11, 12, 1932.
- Судьба Саровской пустыни. 5—6, 1934.
- Тамъ, гдѣ съ Богомъ борются. 5, 6, 8, 9, 11, 1930; 10—11, 1932.
- Храмъ Христа Спасителя (историческая справка). 8—9, 1931.
- Церковная жизнь въ СССР. 1, 2, 3, 1927.
- Церковь въ Россіи. 1—2, 1929.

III. Православіе и ино- славіе.

- Н. Арсеньевъ.** Лозаннская конференція. 3, 1928.
- М. Балашева.** Святость и страданіе. 3, 1928.
- С. Безобразовъ.** Встрѣча. 3, 1927.
- Берлинецъ.** Поворотный пунктъ. 10, 1927.
- В. Виленскій.** Пути католической пропаганды. 4, 1928.
— Апостолатъ св. Кирилла и Мефодія. 8, 1928.
- С. Зернова.** Лагерь англійскихъ дѣвочекъ. 1, 1928.
- Н. П. Зерновъ.** Съездъ въ St. Albans'б. 3, 1927.
— Католики и федерація. 8, 1927.
— Православіе и англик. 2, 1928.
— Возможно ли соединеніе съ Православіемъ западныхъ христіанъ. 3, 1934.
— Приглашеніе православныхъ студентовъ въ англійскіе колледжи. 5—6, 1934.
— Пути сближенія между Англиканской и Православной церквами. 9, 10, 11—12, 1934.
— Преслѣдованія христіанъ въ Россіи и англ. церковь. 8—11, 1935.
— Посѣщеніе Англиканами Русскаго Церковнаго Парижа. 12, 1935.
- И. С.** Письма изъ Англіи. 3, 1927.
- Свящ. О. Кларкъ.** Англо-католикъ о Православіи. 3, 1927.
- Д. Кленнинъ.** Kelham. 12, 1927.
- Св. А. Лиліенфельдъ.** Да будутъ вси едино. 11, 1927.
- Э. Макъ-Нотенъ.** Американская помощь русской церковн. жизни. 6, 1927.
- Арх. Мефодій.** Союзъ УМСА. 6, 1927.
- Д. Паркъ.** Чѣмъ я обязанъ русскимъ студентамъ. 2, 1927.
- Ф. Пьяновъ.** Посвященіе во епископы архидіакона Г. Бакстонъ. 7—8, 1933.
- Св. Александръ Рубецъ.** Православіе и экуменизмъ. 4—5, 1935.
- С. Ш.** Конференція въ Milwaukee. 5, 1927.

- Г. Федотовъ.** Англо-Русская конференція въ Хай-Ли. 5, 1929.
- Діаконъ Цебриковъ.** Соединеніе церквей. 3, 1927.
- Chitty.** Востокъ и Западъ. 10, 1927.

Англо-православная встрѣча. 9, 1934.

Братство имени преп. Сергія Радонежскаго. 12, 1930.

IV. Вопросы идеологій Движенія.

- А. К.** О кружкахъ Движенія. 6, 1927.
- Н. Бердяевъ.** Два начала въ Движеніи. 6, 1928.
— Къ вопросу объ идеологій РСХД. 7, 1929.
— Объ идеологическомъ кризисѣ Движенія. 9—10, 1933.
- Д. Буковскій.** Демократизмъ или соборность. 6, 1931.
- Прот. Булгаковъ.** Церковь, міръ, Движеніе. 11, 1929.
— Церковное служеніе Движенія. 11, 1930.
- В. К.** Что же дальше? 8—9, 1930.
- И. Гаусманъ.** Больше національнаго духа. 2, 1928.
- Л. А. Зандеръ.** Два пути работы. 4, 5, 1927.
- М. Звегинцевъ.** Размышленія о задачахъ Движенія. 4, 1927.
- В. В. Зѣньковскій.** Письма издалека. 2, 3, 1927.
— Законная трѣвога. 1, 1928.
— Очерки идеологій РСХД. 5, 6, 8—9, 1929.
— Измѣненія въ общихъ положеніяхъ РСХД. 11, 1929.
— Организмъ или организація. 11, 1930.
— Пути Движенія и Россія. 1, 6, 1931.
- А. Карташевъ.** Еще объ идеологій. 11, 1929.
- П. Е. Ковалевскій.** Начало Пути. 12, 1932.
- Г. Коренчевскій.** Кризисы въ кружкахъ. 4, 1928.
- М. Г.** Движеніе и Россія. 2, 1933.
- И. Лаговскій.** Забываемое. 1, 1927.
— Всѣмъ подозрѣваемымъ. 2, 1932.

Д-ръ Л. Липеровскій. Солнце Правды. 11, 1929.

А. И. Никитинъ. Вопросы активизма. 4, 1932.

П. Одна изъ задачъ Движенія. 1, 1927.

— Пути Движенія. 9, 1934.

В. Расторгуевъ. Движеніе и совѣтская Россія. 10—11, 1932; 7—8, 1933.

Е. Скобцова. Изученіе Россіи. 9, 1927.

А. Трояновъ. Движеніе. 3, 1928.

Кн. Г. Трубецкой. Работа Движенія въ оградѣ Церкви. 12, 1928.

Н. Федоровъ. Наши проблемы. 6, 1930.

Г. Федотовъ. Изученіе Россіи. 2, 1928.

— Движеніе и современность. 2, 1933.

Прот. С. Четвериковъ. Послѣ съѣзда. 11, 1927.

— Русское Студенческое Христианское Движеніе и Россія. 12, 1927.

— Задачи Движенія. 5, 1928.

— Работа Движенія, какъ служеніе Церкви и родинѣ. 11, 1928.

— Содружество въ Движеніи. 11, 1929.

— Пути Содружества въ Движеніи. 12, 1929.

— Что такое Содружество и чѣмъ оно хочетъ быть. 10, 1930.

— Что такое церковность и церковно ли Движеніе. 6—7, 1932.

— Еще нѣсколько словъ о мѣстѣ РСХД. въ Прав. Церкви. 1, 1933.

А. Шумкина. Гора и долина, 11, 1926.

Вопросы методики и программъ работы Движенія. 11, 1931.

Диспутъ о РСХДвиженіи. 2, 1932.

„Докладець“. 1, 1932.

Объ отношеніяхъ религіозной и социальной работы. 9—10, 1933.

Общая положенія РСХДвиженія. 12, 1928.

Общая Положенія РСХДвиженія. 12, 1930.

О жизни Движенія. Правильнъ ли путь? 4, 1932.

Основные положенія РСХДвиженія. 10, 1927.

Отклики на статью А. Троянова. 5, 1928.

Отъ Центрального Секретаріата РСХД. 3, 1931.

Постановленія 5-го годичнаго съѣзда. 11, 1927.

Постановленія 6-го Общаго Съѣзда. 10, 1928.

Постановленіе Съѣзда Прибалтики. 12, 1932.

Праздникъ Движенія. 12, 1931.

Программа 5-го годичнаго съѣзда. 8, 1927.

Протоколь засѣданій Совѣта РСХД. 3, 1928.

Резолюція Религ.-Педаг. Совѣщанія. 10, 1928.

V. Жизнь Движенія.

А. В. Брно. 1, 1932; 2, 1933.

А. М. Нашъ Долгъ. 2, 1927.

А. Н. Съѣздъ Совѣта Движенія. 7, 1931.

Берлинецъ. Россія въ Саровѣ. 8—9, 1929.

Г. Бобровскій. Юго-Восточная конференція Всем. Студ. Хр. Федерациі. 7, 1929.

Б. Ш. Голосъ изъ Америки. 10, 1927.

С. Верховскій. Программа занятій кружковъ. 3, 1929.

В. З. Передъ съѣздомъ. 9, 1927.

Иванъ Георгіевскій. Съѣздъ во Угале. 10, 1927.

Г. Ф. Съѣздъ Православной Культуры. 1, 1933.

Движенецъ изъ Софіи. День непримиримости. 1, 1933.

Е. С. Эльзасскій съѣздъ. 2, 1932.

Св. Н. Жидекъ. Задачи чешскаго православнаго юношескаго движенія. 10, 1929.

Л. Зандеръ. Въ тихомъ Скиту. 1—2, 1929.

Н. М. Зерновъ. Послѣ Клермона. 9, 1927.

— Парижъ и Лондонъ. 6, 1929.

— Русскіе въ Чехіи. 10, 1929.

В. В. Зѣньковскій. Нѣсколько впечатлѣній. 9, 1927.

— Мы снова зовемъ. 2, 1930.

— Къ членамъ РСХДвиженія. 2, 1931.

И. По Парижу. 5, 1927.

- И. Г.** Нѣсколько словъ о ростѣ Движенія. 4, 1927.
- И. Л.** „Нужно организовывать.“ 5, 1931.
- И. Ч.** Въ Кружкѣ (Софія). 4, 1929.
- А. Коровицкій.** Мѣстный сѣздъ въ Чехословакии. 10, 1929.
- В. Косинскій.** О внутренней и внѣшней жизни Движенія. 5, 1929.
- В. Кульманъ.** Дѣло для насъ. 3, 1930.
- Л.** Сѣздъ въ Бьервиллѣ. 11, 1926.
- Л. Л.** Письмо изъ Америки. 6, 1927.
- И. Лаговскій.** Lucelle. 9, 1927.
— Въ Прибалтикѣ. 10, 1929.
— Почти на роднѣ. 11, 1930.
— Первый сѣздъ. 2, 1932.
- О. Л. Липеровскій.** Въ Нанси. 1, 1928.
- А. Морозовъ.** Нѣсколько цифръ. 5, 1927.
- А. И. Никитинъ.** Упорядоченіе финансовъ Движенія. 12, 1930.
— Въ Вюндсдорфѣ. 6—7, 1932.
- П.** Берлинъ. 2, 1933.
- К. Перешнева.** Финансовый отчетъ РСХД. 12, 1928.
- К. Перешнева и И. Лаговскій.** Недѣля труда и радости. 4, 1928.
- Б. Покровскій.** На сѣздѣ въ Клиши. 5—6, 1934.
- Ф. Пьяновъ.** Финансовая компанія. 2, 1928.
— Недѣля сбора во Франціи. 1—2, 1929.
— Итоги финансовой компаніи во Франціи. 7, 1929.
— Финансовый вопросъ въ РСХДвиженіи. 12, 1929.
— Совѣщаніе въ Афинахъ. 6, 1930.
— Фин. отчетъ РСХД во Франціи. 1, 1931.
— Финансовый отчетъ РСХДвиженія во Франціи за 1931 г. 1, 1932.
— Сѣздъ РСХД въ Нильванжѣ. 2, 1933.
— По поводу сѣзда въ Клиши. 5—6, 1934.
- И. Савченко.** Въ Клермонѣ. 8—9, 1929.
- Е. Скобцова.** Во дни сѣзда. 11, 12, 1927.
- Ю. Степановъ.** Изъ лѣтнихъ впечатлѣній. 1—2, 1929.
- Л. Тарановскій.** Крестники РСХДвиженія. 6, 1930.
- Г. Федотовъ.** Третій Клермонъ. 9, 1928.
- А. Четверикова.** Шестой годичный сѣздъ Движенія. 1—2, 1929.
- Прот. С. Четвериковъ.** Нѣсколько словъ по поводу моего назначенія священникомъ РСХД. 9, 1928.
— Изъ болгарскихъ впечатлѣній. 1—2, 1929.
— Наши недочеты. 4, 1929.
— Замѣтки о Движеніи. 8—9, 1929.
— Праздникъ Движенія. 12, 1930.
— Послѣ сѣзда. 8—9, 1932.
- З. Шибалова.** II Рел. Пед. Сѣздъ РСХД. въ Эстоніи. 3, 1932.
Берлинъ. 4, 1932.
Братислава. 3, 1933.
Братская молитва о Движеніи. 10, 1928.
Валкъ. 1, 5, 1932.
VIII сѣздъ РСХДвиженія во Франціи. 10, 1931.
Въ Пюхтицкомъ монастырѣ. 8—9, 1932.
Гимназическій прав. кружокъ въ Подкарпатской Руси. 8—9, 1931.
Движенскіе дни въ Финляндіи. 6—7, 1935.
Движенцы въ деревнѣ. 10—11, 1932.
IX годичная конференція РСХД. въ Чехословакии. 8—9, 1931.
„Душа клуба.“ 10—11, 1932.
„Живоносный Источникъ.“ 5, 1932.
Жизнь Движенія. 1, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 12, 1927; 2, 3, 4, 5—6, 10, 1934; 1—2, 4—5, 6—7, 12, 1935.
Иконописный отдѣлъ и иконописная мастерская РСХДвиженія. 3, 1932.
Изъ жизни движенцевъ. 1, 2, 3, 6, 8—9, 11, 12, 1930; 1, 1933.
Компанія по привлеченію новыхъ подписчиковъ Вѣстника. 4, 1929.
Лига правосл. культуры въ Чехословакии. 8—9, 1931.
Нарва. 3, 6, 7, 1932; 1, 1933.
Наша жизнь. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11 и 12, 1929.
Новый этапъ. 8, 1927.

- Однодневная конференція РСХД. на югѣ Франціи. 8—9, 1931.
- Отчетъ о 4-омъ Общемъ Свѣздѣ. 10, 1926.
- О. Іосифъ Жидекъ. 10, 1929.
- Парижъ. 3, 6—7, 1932.
- 1-ый делегатскій свѣздъ РХД. Крестьянской Молодежи. 1—2, 1935.
- Первый свѣздъ РСХДвиженія въ Болгаріи. 10, 1931.
- Печеры. 8—9, 1932; 1, 1933.
- Послѣ свѣзда въ Менюль (Франція). 8—9, 1932.
- Прага. 3, 1933.
- Прискорбноенедоразумѣніе. 11—12, 1934.
- Программа Религіозно-Педагогическаго Совѣщанія. 8, 1927.
- Работа Движенія въ Валкѣ. 8—9, 1931.
- Работа Центр. Секретаріата. 8—9, 1931.
- Рел. Пед. Кабинетъ въ 1929—1930 гг. 1, 1931.
- Религіозно Педагогическое Совѣщаніе. 1, 1931.
- Рел. Пед. Свѣздъ въ Ревелѣ. 6, 1931.
- Рига. 4, 1932.
- Рига (Дѣвичье Дружество). 5, 1932.
- Розговѣны для безработныхъ (Парижъ). 6—7, 1932.
- Секретарскій отчетъ о 4-мъ мѣстномъ свѣздѣ во Франціи. 9, 1927.
- Софія. 1—3, 1932; 2, 1933.
- Свѣздъ въ „Ле-Пертюа“. 11, 1931.
- Свѣздъ крестьянской молодежи. 6—7, 1935.
- Свѣздъ крестьянской молодежи въ Нарвѣ. 1—2, 1935.
- Свѣздъ Совѣта Движенія. 8—11, 1935.
- Третій Прибалтійскій свѣздъ Движенія. 10, 1930.
- Финансовый отчетъ РСХД. за 1929 г. 12, 1927.
- Хроника РСХДвиженія. 11, 1926; 3, 4, 5, 6, 7, 12, 1929.
- Церковь Введенія во Храмъ Пр. Богородицы. 1—2, 4, 1929.
- IV лѣтній свѣздъ РСХ. Движенія въ Прибалтикѣ. 8—9, 1931.
- Чешское юношеское правосл. Движеніе. 5, 1931.
- Читальня-Чайная для безработныхъ. 4, 1932.
- Юрьевъ. 10—11, 1932.

Юношеская и Дѣтская работа.

- Г. Бахрушинъ.** Религіозно-національное воспитаніе для русскихъ мальчиковъ. 5, 6, 1929.
- Еп. Даміанъ.** Воскресная школа. 8, 1927.
- В. Зандеръ.** Лѣтній дѣвичій лагерь. 11, 1929.
- И. П.** Дружина русскихъ мальчиковъ „Витязь“ въ Ригѣ. 6—7, 1932.
- А. Краевичъ.** Конференція руководителей „Витязей“. 6—7, 1932.
- Ф. Пьяновъ.** Наша молодежь. 11, 1928.
- С. Ш.** Школа трехъ континентовъ. 2, 1932.
- Н. Федоровъ.** О дѣтской колоніи. 11, 1926.
- Современное юношество. 8, 1928.
- Школа для руководителей по работѣ съ мальчиками. 7, 1929.
- У синяго моря. Лагерь РСХД. 11, 1931.
- Лагерь Витязей 1932 г. 3, 6, 7, 1932.
- Витязи. — Парижъ. 1, 2, 1933.
- Витязи въ походѣ. 4, 1933.
- А. Шумкинъ.** Воскресная школа. 6, 1927.
- О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія. 9, 1927.
- Конференція дѣвичьихъ кружковъ. 6, 1929.
- о. Г. Шумкинъ.** Комментаріи къ „Общанію“ Витязей. 1—2, 1929.
- Дружина Витязей. 1—2, 1929; 4, 1932.
- Дѣтскій Лагерь Движенія въ Болгаріи. 10, 1931.
- Женевскій кружокъ витязей. 6—7, 1932.
- Лагерь „Русь“ РСХ. Движенія. 6, 1929; 5, 1930.
- Работа дѣвичьей Дружины. 8—9, 1930.
- Страница Юношескаго Отдѣла Движенія. 7, 8, 10, 11, 12, 1928.

Съездъ дѣтей въ Калугинѣ. 8—9, 1932.
Третья Конференція Дѣвичьей Дружины. 7, 1931.
У таллинскихъ Витязей и Дружинницъ. 7—8, 1934.
Хроника юношескаго отдѣла. 3, 1929.

VI. Отдѣльныя статьи и замѣтки.

1. Статьи различнаго содержания.

- Г. Балицкая.** На открытомъ Евангелии. 6, 1928.
Г. Бахрушинъ. „Балилла“ — фашистская организація для юношества. 3, 1929.
И. Гаусманъ. Предупрежденіе. 8, 1927.
В. Диксонъ. Бретонскіе святые. 8, 1927.
Л. Зандеръ. Америка. 11, 12, 1931.
С. Зернова. Америка. 1, 2, 3, 4, 1929.
Н. Зерновъ. Православіе и націонализмъ. 10, 1927.
— Основы Христіанскаго Союза Молодыхъ Людей. 5, 1929.
— Международныя встрѣчи. 10, 1929.
Гермонахъ Іоаннъ. Сіонскіе протоколы. 12, 1927.
Н. Клепининъ. Соціалная работа въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 1930.
О. Л. Липеровскій. Р. Г. Холингеръ. 7, 1930.
Н. Мартыновъ. Смердяковщина. 2, 1930.
А. И. Никитинъ. Отцы и дѣти въ русской эмиграціи. 5, 1932.
Н. О. Окуневъ. Русскимъ художникамъ за границей. 1, 1933.
П. Б. На костяхъ мучениковъ. 10, 1926.
П. Прозоровъ. Орелъ и крестъ. 2, 1930.
С. А. Туринская плащаница. 5, 1932.
О. Д. Соболевъ. Письма къ своимъ. 4, 1927.
У. С. На Афонѣ. 8, 10, 1927.

П. Ханьпе. Чудесное обновленіе иконъ. 1, 1928.

— На казачьихъ могилахъ. 1, 1927.

А. И. Чеканъ. Проф. Н. Н. Глубоковский. 7, 1929.

В. Эккерсдорфъ. Навожденіе. 9, 1928.

Ю. К. Счастье. 1, 1928.

М. Яшвилъ. Изъ прошлаго Сергѣевского Подворья. 11, 1927.

Во имя св. Сергія. 7—8, 1934.
Всемирный съездъ УМСА. 12, 1931.
Въ далекомъ Парагваѣ. 1—2, 1929.
Друзьямъ и цѣнителямъ русской музыки. 11, 1929.

Залъ религій. 10—11, 1932.
Издательство УМСА Press въ Парижѣ. 5, 1929.

Къ русскимъ гражданамъ. 5, 1929.
Литературный конкурсъ. 11, 1929.
Международный лагерь въ Швейцаріи. 3, 1929.

Открытіе Высшаго Техническаго Института во Франціи. 11, 1931
Отъ русскаго Историческаго о-ва въ Прагѣ. 3, 1933.

По поводу статьи М. Артемьева. 10, 1931.

По поводу статьи Н. М. Зернова. 9, 1934.

„Правосл. Миссіонерское книгоиздательство“ іером. Іоанна. 1—2, 1929.

Резолюціи УМСА о работѣ въ Православныхъ странахъ. 6, 1928.
„Старому другу.“ 1, 1931.

2. Церковная хроника.

Бесѣда со Вселенскимъ Патріархомъ. 2, 1932.

Конференція православнаго и лютеранскаго духовенства. 7—8, 1934.

Митрополитъ Евлогій о посланіи М. Сергія. 10, 1927.

Обращеніе Митрополита Антонія. 10, 1926.

Обращеніе православныхъ епископовъ, заключенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ. 7, 1927.

Опредѣленіе Архіерейскаго Синода. 7—8, 1934.

Отвѣтъ Митр. Евлогія на посланіе Митр. Сергія. 10, 1927.
 Письмо изъ Польши. 12, 1929.
 Письмо Митрополита Сергія. 3, 1927.
 Письмо сосланныаго епископа. 5, 1927.
 Посланіе Арх. Серафима Угличскаго. 3, 1927.
 Посланіе арх. Серафима къ М. Сергію. 9, 1928.
 Посланіе Митрополита Петра. 9, 1927.
 Посланіе Митрополита Сергія. 9, 1927.
 Православіе въ Румыніи. — М. 3, 1932.
 Православіе у индійцевъ. 4, 1932.
 Призывъ М. Сергія къ церковному единству. 8, 1928.
 Reunion des Eglises et politique de Rome. — R. P. 1, 1932.
 Римъ и иренисты. — іером. Александръ. 1, 1933.
 Соединеніе церквей и политика Рима. — R. P. 1, 1932.
 Церковное торжество въ Москвѣ. 11—12, 1934.
 Церковная жизнь. — 10, 11, 1926; 2, 4, 5, 7, 11, 1927.

3. Жизнь Студенчества.

Д. Варли. Вступительное слово на сѣздѣ Русскаго студенчества въ Америкѣ. 8, 1927.
 — Русское студенческое объединеніе и его задачи. 8, 1927.
С. Зернова. Одна изъ встрѣчъ иностранныхъ студентовъ съ русскими. 10, 1926.
О. Л. Липеровскій. Русскіе студенты въ Америкѣ. 8, 1927.
М. М. Федоровъ. Послѣдите на помощь. 2, 1932.
 — Къ Русскимъ за рубежомъ. 9—10, 1933.
Ю. К. Конференція Всем. Студ. Хр. Федерациа. 10, 1931.

Въ Новомъ Свѣтѣ. 2, 3, 1927.
 Жизнь студенчества. 1, 1931; 1, 1932.
 Конференція Христ. Студ. Федерациа въ Польшѣ. 8—9, 1930.
 Наши румынскіе друзья. 7, 1927.
 Русскіе студенты въ Бельгіи. 3, 1932.
 Русскія студентки въ Бельгіи. 3, 1932.

4. Некрологи.

Александръ I, Король Югославіи. 10, 1934.
 Высокопреосвященнѣйшій Іоаннъ, Арх. Рижскій и вся Латвіи. 10, 1934.
 Князь Г. Н. Трубецкой. — Г. Ф. 2, 1930.
 Памяти В. В. Котырло. — В. В. Зньковскій. 9, 1927.
 Памяти кн. Г. Н. Трубецкого. — Прот. С. Булгаковъ. 2, 1930.
 Памяти Н. К. Мясникова. 10, 1931.
 Памяти о Бозѣ почившаго арх. Иллариона. 11, 1930.
 Памяти о М. Бурнашева. — Н. Литвинъ. 3, 1928.
 Памяти о. прот. Петра Извольскаго. — Кн. Григорій Трубецкой. 1—2, 1929.
 Памяти проф. А. А. Кизеветтера. — И. Георгіевскій. 2, 1933.
 Послѣднее цѣлованіе. 10, 1934.
 Свѣтлой памяти безкорыстнаго друга людей. 11, 1931.

5. Библиографія.

10, 1926; 1, 2, 4, 1927; 2, 4, 5, 6, 1930; 3, 1931; 6—7, 1932; 3, 4, 5, 7—8, 1933; 9, 10, 1934.

6. Почтовый ящикъ.

10, 11, 1926; 1, 2, 4, 5, 7, 9, 1927; 11, 12, 1929; 2, 4, 5, 6, 7, 8—9, 1930.

7. Бюллетень Религиозно-Педагогической работы.

Приложеніе къ №№ 11 и 12 1928 г. и 3, 4, 5, 10, 11, 12 1929 г.

Приёмъ рукописей, объявленій, выдача справокъ и указаній, а также получение подписной платы на „Вѣстникъ“ производится:

АМЕРИКА: 1) N. Stember. 56, East 122 nd str. NEW-YORK. City.

2) T. Karpovitch, 67 Walker st. CAMBRIDGE.

3) Rt. Rev. A. Viacheslavoff, 1520. Green Str. SAN-FRANCISCO Calif.

АНГЛІЯ: V. Rastorgoueff, 80, Marchmont Str. LONDON W. C. I.

БОЛГАРИЯ: Е. Наумовъ, Искъръ 62 СОФІЯ.

БЕЛЬГІЯ: Mme M. A. Petroff, Jette St.-Pierre, Hôpital Brugmann. BRUXELLES.

ГЕРМАНИЯ: A. Pawlowitsch, Neue Winterfeldstr. 461. BERLIN, S.W.30.

МАНЖУКО: 1) В. Коченева, Артиллерійская уголь Пекарной, 4-е Начальное Училище. HARBIN.

ЛАТВІЯ: 1) В. Pluchanov, Laboratorjās 9 dz. 3, RIGA.

2) G. Beniksons, Nometnu ielā 8 dz. 3. DAUGAVPILS.

ПОЛЬША: 1) E. Polonska, Aleje Ujazdowskie 6/8 Obserwator. Astron. WARSZAWA.

2) „Dobro“, ul. Krakowskie Przedmieście 53. WARSZAWA.

ФИНЛЯНДІЯ: 1) A. Schavoronkova. Luostarinkatu 9 as. 2. VILPURI. 2 M. Reichte, KELLOMÄKI.

ФРАНЦІЯ: 1) T. Bajmakova 10, Bd. Montparnasse, PARIS. XV.

ЧЕХОСЛОВАКІЯ: 1) S. Malloj Jachymova 2 b. 16. PRAHA I.

2) N. Lupandin. Miletičeva 14 BRATISLAVA.

3) A. Vissarionoff, U Botanické Zahrady 17/IV BRNO.

ЭСТОНИЯ: 1) N. Golubeva. Vismari 29. TALLINN.

2) H. Lange. TARTU, Jaama 27.

2a) T. Lagovskaja, отдѣленіе конторы, J. Kuperjanovi 14, TARTU.

3) S. Nikitin. Linaketrämise vabrik. Polovtsovi maja. NARVA.

РУМЫНІЯ: L. Gloukhoff. Tescani. jud Bacau.

ЮГОСЛАВІЯ: N. Ribinski, Plmotičeva 14. BEOGRAD.

ПУТЬ ЖИЗНИ

Газета Русскаго Христіанскаго Движенія
Крестьянской Молодежи.

Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ подъ редакціей
В. Ф. Бухгольца.

Годовая подписка въ Эстоніи 1 кр. 20 с.
для заграницы 10 фр.

Редакторъ **И. ЛАГОВСКІЙ**.

Vastutav toimetaja Eestis: T. Lagovski, Tartus, J. Kuperjanovi tän. 14, 4.

Vastutav väljaandja Eestis: Leo Schumakov, Tartus, Kevade tän. 5, 4.